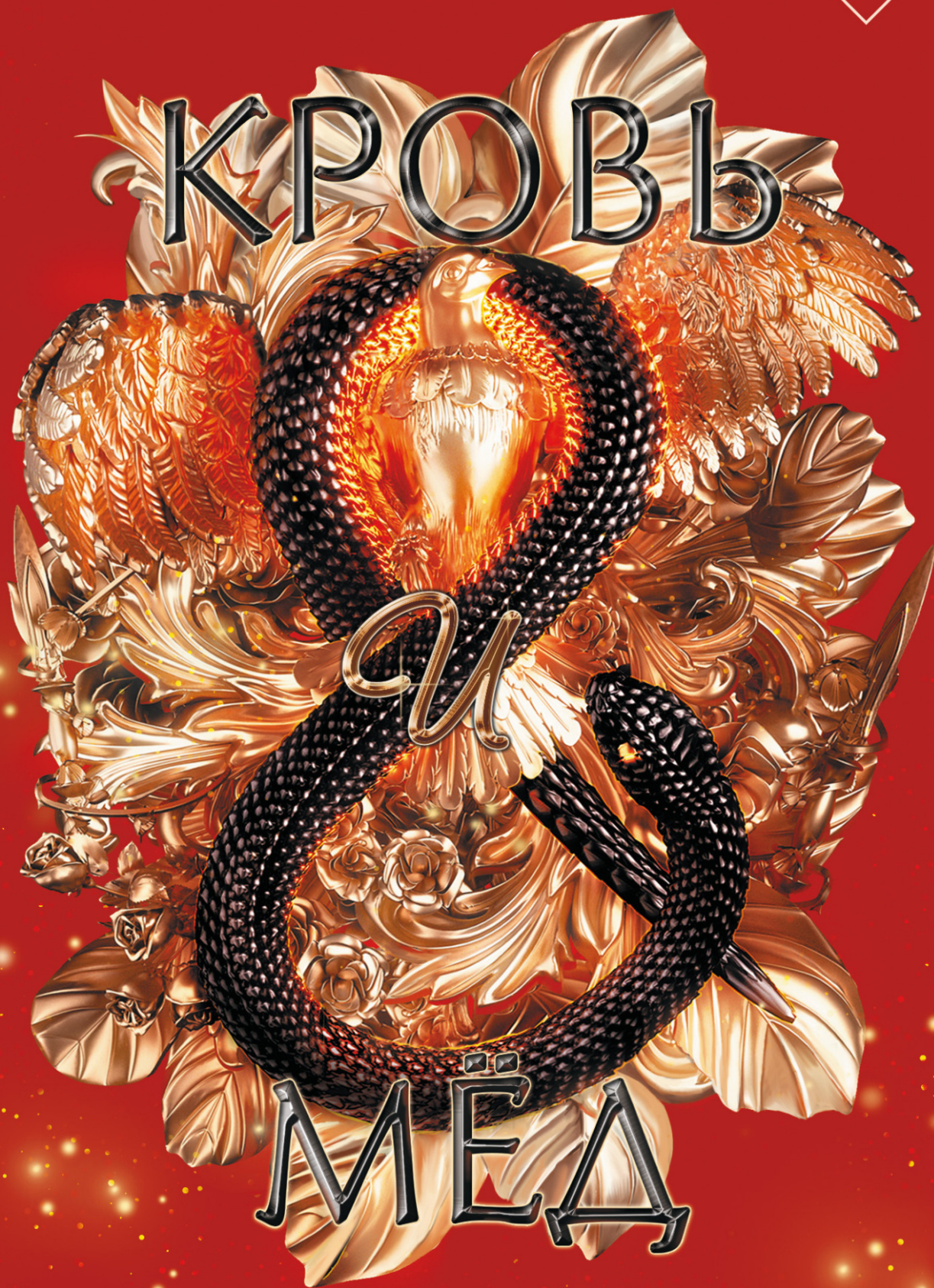

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ ИХ

18+

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА «ЗМЕЙ И ГОЛУБКА»

Змей и голубка

Шелби Махёрин

Кровь и мёд

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

Махёрин Ш.

Кровь и мёд / Ш. Махёрин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Змей и голубка)

ISBN 978-5-17-138259-9

НЕ ПРИНУЖДАЙ МЕНЯ ОСТАВИТЬ ТЕБЯ И ВОЗВРАТИТЬСЯ ОТ ТЕБЯ. Лу, Рид, Коко и Ансель бегут из столицы, и их портреты висят на каждом столбе – теперь им уже нигде не спрятаться. Чтобы выжить, им нужны сильные союзники. КУДА ТЫ ПОЙДЁШЬ, ТУДА И Я ПОЙДУ. Лу хочет защитить себя и тех, кого любит, от коварных игр Морганы. В своём желании она становится всё более отчаянной – и обращается к тёмной магии. Этот шаг может стоить Риду той единственной потери, которой он не сможет вынести. И ГДЕ ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ, ТАМ И Я БУДУ ЖИТЬ. Но, верный данной Луизе клятве, Рид изучает свою собственную силу и готовится во что бы то ни стало защищать свою любовь. Они связаны до конца своих дней. Навеки вместе. И в горе, и в радости. Пока смерть не разлучит их.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-138259-9

© Махёрин Ш., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть I	7
Завтра	7
Похищенные мгновения	15
Тревожный знак	21
Прелестная куколка	27
Самый разумный план действий	35
Цвет волос	40
Клод Деверо	51
Марионетка	58
Белые тени	64
Крест	66
«Труппа Фортуны»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Шелби Махёрин

Кровь и мёд

SHELBY MAHURIN
BLOOD & HONEY

Copyright © 2020 by Shelby Mahurin

Jacket art © 2019 by Katt Phatt

Jacket design by Sarah Nichole Kaufman

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Е. Боровлева, карта, 2021

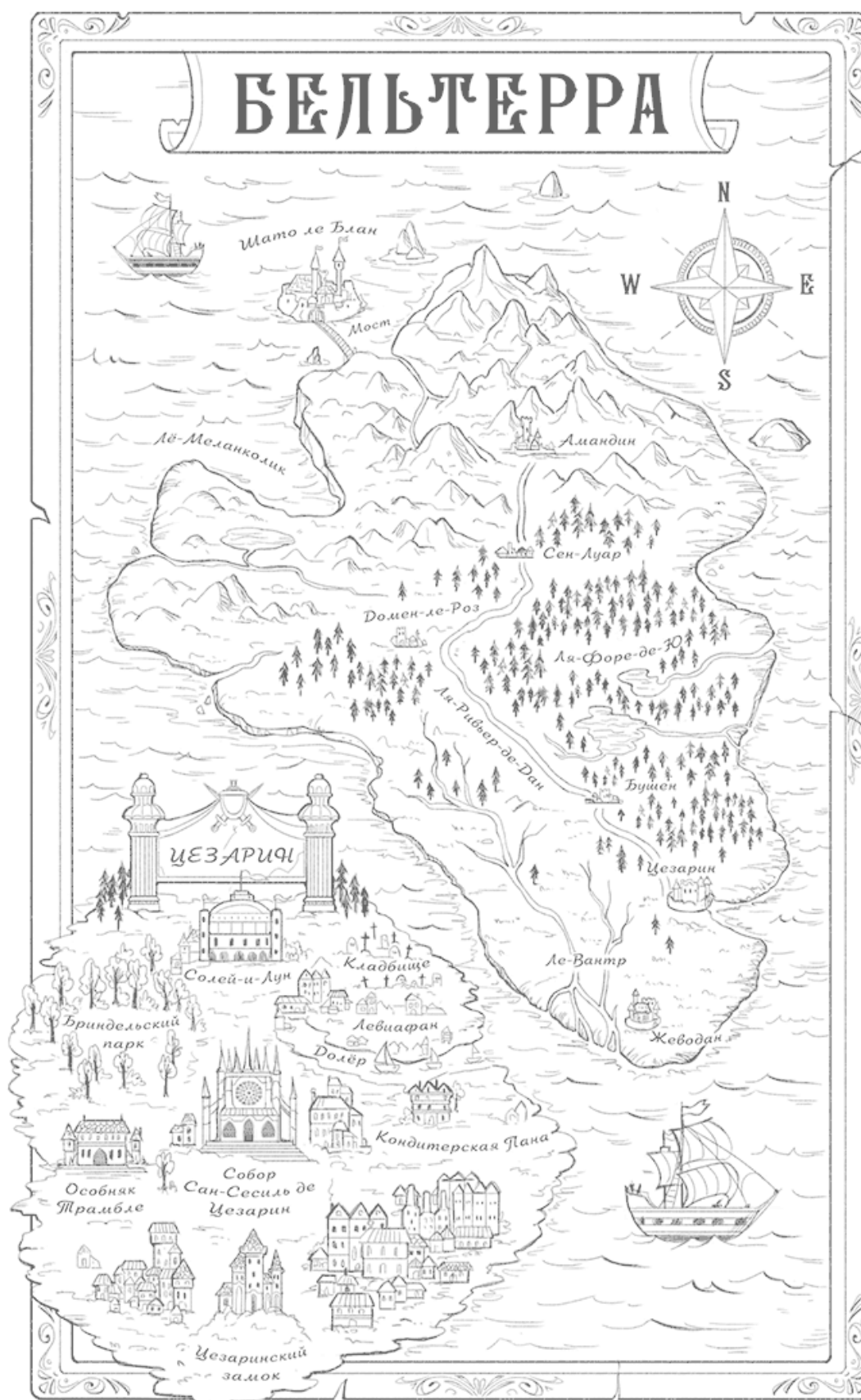
© М. Шмидт, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Бо, Джеймсу и Роуз, которых я беззаветно люблю

Часть I

*Il n'y a pas plus sourd que celui qui ne veut pas entendre.
Превыше всех глух тот, кто не желает слышать.*
– французская пословица

Завтра

Лу

В небе сгущались тучи.

И пусть я не видела их сквозь густые кроны Ля-Форе-де-Ю, не чувствовала пронизывающего ветра, который уже нарастал вокруг нашего лагеря, но все равно знала – близится буря. Деревья покачивались в пасмурных сумерках, звери попрятались в норы. Несколько дней назад мы и сами забились в нору – своего рода лесной овраг, изрытый древесными корнями, которые торчали из земли, будто пальцы. Я ласково прозвала это местечко Ямой. Снаружи все занесло сугробами, но снежинки мгновенно таяли, касаясь защитных чар мадам Лабелль.

Я приладила печной камень над огнем поровнее и с надеждой потыкала бесформенный комок, который лежал сверху. *Хлебом* это, конечно, назвать было сложно, потому что тесто для него я замесила на воде из одной только измельченной коры, но *снова* есть кедровые орехи и корни расторопши я не желала. Не желала, и все тут. Полезно порой бывает съесть *хоть что-нибудь* не настолько пресное – и речь не про дикий лук, который Коко нашла утром. После него у меня изо рта до сих пор несло как из драконьей пасти.

– Я это есть не буду, – сообщил Бо, глядя на сосновый хлеб так, будто тот мог в любой миг отрастить ноги и на него наброситься. Черные волосы принца, обычно уложенные безукоризненно, теперь торчали во все стороны, а смуглое лицо было перемазано в грязи. В Цезарине бархатный костюм Бо смотрелся бы роскошно, но сейчас и он, увы, весь покрылся пятнами.

Я усмехнулась.

– Как скажешь, голодай на здоровье.

– А это... – Ансель подошел поближе, украдкой морща нос.

Глаза у него блестели от голода, волосы растрепались на ветру – жизнь в лесной глуши обошлась с ним немногим ласковей, чем с Бо. И все же я знала, что Ансель со своей оливковой кожей, стройным телосложением, длинными ресницами и искренней улыбкой будет красив всегда. Иного просто не дано.

– Как думаешь, это...

– Съедобно? – встрял Бо, вскинув бровь. – Явно нет.

– Я не это хотел сказать! – Ансель вспыхнул и виновато посмотрел на меня. – Я имел в виду... вкусно. Как думаешь, это вкусно?

– Тоже нет. – Бо отвернулся и стал копаться в своей сумке. Спустя пару секунд, торжествуя, он выудил горсть луковиц и сунул одну в рот. – *Вот* чем я сегодня буду ужинать, спасибо.

Я уже открыла рот, чтобы съязвить в ответ, как вдруг рядом, обняв меня за плечи, возник Рид. Его рука была тяжелой, теплой, утешительной. Он поцеловал меня в висок.

– Я уверен, хлеб очень вкусный.

– Вот именно. – Я прижалась к нему, довольная похвалой. – *Получится* очень вкусный. И к тому же от нас не будет всю ночь разить дерь... то есть луком. – Я сладко улыбнулась Бо, который застыл, не донеся руку до рта, и хмуро поглядывал то на лук, то на меня. – А тебе еще завтра предстоит *вот этим* потеть весь день, если не дольше.

Хохотнув, Рид наклонился ниже, чтобы поцеловать меня в плечо, и его мерный, низкий голос коснулся моей кожи.

– Знаешь, здесь неподалеку есть ручей.

Поддавшись порыву, я изогнула шею, и Рид поцеловал меня выше, прямо у подбородка. От прикосновения его губ мое сердце забилося чаще. Бо с отвращением поморщился, увидев прилюдное проявление наших чувств, но я не обратила на него внимания. Рид был так близко, и я наслаждалась этим. С тех самых пор, как я очнулась после Модранита, возможности по-настоящему остаться наедине мы так и не нашли.

– Пожалуй, стоит туда сходить, – проговорила я, прерывисто дыша. Рид, как всегда, отстранился слишком скоро. – Можно взять хлеб с собой и устроить там... пикник.

Мадам Лабелль резко обернулась к нам. Они с Коко сидели в другом углу лагеря среди корней древней ели и хмуро рассматривали клочок пергамента. Пальцы Коко были в пятнах крови и чернил. Она уже успела отправить Ля-Вуазен в лагерь крови два послания с просьбой предоставить нам убежище, но ответа так и не получила. Я сомневалась, что еще одно письмо изменит это.

– Ни в коем случае, – сказала мадам Лабелль. – Вам запрещено покидать лагерь. Кроме того, надвигается буря.

«*Запрещено*». Само звучание этого слова меня рассердило. Мне с трех лет никто ничего не запрещал.

– Позвольте вам напомнить, – продолжала она надменным тоном, вздернув нос, – что лес все еще кишит охотниками, и пусть мы не видели ведьм, они тоже определенно где-то неподалеку. И это не говоря уже о королевских гвардейцах. О смерти Флорина уже наверняка разошлась молва... – Мы с Ридом окаменели в объятиях друг друга, услышав это. – И награды за ваши головы возросли еще больше. Теперь даже простые крестьяне знают ваши лица. Вам нельзя покидать лагерь, пока мы не составим хоть сколько-нибудь достойный план наступления.

Я подметила, как мадам Лабелль подчеркнула слово «вам» и как выразительно посмотрела на нас с Ридом. Это *нам* нельзя было уходить из лагеря. Это *наши* лица висели на каждой стене по всему Сен-Луару – а теперь, быть может, и во всех других деревнях королевства. Во время вылазки в Сен-Луар за припасами Коко с Анселем сорвали пару объявлений – на одном из них было изображено красивое лицо Рида с волосами, окрашенными мареной в рыжий цвет, а на другом – мое.

Художник нарисовал мне на подбородке бородавку.

Вспомнив об этом, я нахмурилась и перевернула буханку соснового хлеба. С другой ее стороны обнаружилась почерневшая обгорелая корка. Мы все уставились на нее.

– Верно говоришь, Рид, вкуснее некуда. – Бо широко ухмыльнулся. У него за спиной Коко брызнула на письмо кровью из пореза на ладони. Капли зашипели и задымились, касаясь пергамента и сжигая его дотла – перенося к Ля-Вуазен, где бы ни был сейчас ее лагерь Алых дам. Бо помахал у меня перед носом луковицами.

– Точно не хочешь?

Я выбила луковицы у него из руки.

– Отвяжись.

Крепче стиснув меня за плечи, Рид взял обгоревшую буханку с камня и с мастерской ловкостью отрезал от нее кусок.

– Ты не обязан это есть, – пробурчала я.

Он усмехнулся.

– Bon appétit.

Мы завороченно смотрели, как Рид кладет хлеб в рот... И тут же давится.

Бо оглушительно расхохотался.

Ансель похлопал Рида по спине, и тот проглотил кусок. Глаза у него слезились.

– Вкусно, – заверил он меня, кашляя и пытаясь жевать. – Правда. Напоминает...

– Уголь? – Бо согнулся пополам от смеха, увидев мое лицо.

Рид нахмурился. Все еще сотрясаясь от кашля, он тем не менее ухитрился пнуть Бо. Тот потерял равновесие и рухнул носом прямо в мох и лишайник, а на его бархатных штанах, прямо на пятой точке, остался отчетливый отпечаток сапога.

Бо выплюнул грязь, а Рид наконец проглотил хлеб.

– Ну и дурень же ты.

Взять еще кусок Рид не успел – я бросила буханку в огонь.

– Твое рыцарство принято к сведению, дражайший муж, и будет должным образом вознаграждено.

Рид притянул меня к себе, улыбаясь с теплотой и – как ему только не стыдно – с облегчением.

– Я бы все съел.

– Надо было тебе позволить.

– Ну и сидите теперь голодные, – заявил Бо.

Не обращая внимания на предательское урчание в животе, я выудила бутылку вина, которую припрятала в сумке Рида. Самой собраться в дорогу у меня возможности не было – Моргана ведь похитила меня прямо со ступеней собора Сан-Сесиль. К счастью, вчера я *по чистой случайности* забрела далековато от лагеря и позаимствовала на дороге у коробейницы парочку полезностей. Без вина, конечно же, никак. Равно как и без новой одежды. Коко и Рид поделились со мной своей, чтобы не пришлось и дальше носить окровавленное церемониальное платье, но на мне всё висело мешком – я и без того была худа, а после времени, проведенного в Шато, и вовсе стала походить на скелет. Пока что мне удавалось скрывать свои трофеи в сумке Рида и под плащом, одолженным у мадам Лабелль, но рано или поздно карты пришлось бы открыть.

Что ж, самое время.

Рид помрачнел, увидев вино. Его улыбка растаяла.

– Что это?

– Подарок, конечно. Ты разве не знаешь, какой сегодня день? – Твердо вознамерившись спасти этот вечер, я сунула бутылку в руки ничего не подозревавшему Анселю. Он стиснул горлышко, снова краснея. У меня потеплело на сердце. – Bon anniversaire, mon petit chou!¹

---

¹ С днем рождения, милый мой малыш! (*фр.*)

– У меня только в следующем месяце день рождения, – смущенно пробормотал Ансель, но все равно прижал бутылку к груди. Блик от пламени костра блеснул на его лице, а с ним – и робкая радость. – Мне раньше никто никогда... – Он кашлянул и сглотнул. – Мне раньше никто никогда не дарил подарков.

Счастье у меня в груди слегка дрогнуло.

В детстве мои дни рождения отмечали как священные праздники. Ведьмы со всего королевства съезжались в Шато ле Блан восславить меня, и вместе мы до упаду танцевали под луной. Колдовство окутывало храм терпким ароматом, а мать осыпала меня роскошными подарками: в один год то была тиара с бриллиантами и жемчугами, в другой – букет из неувядающих орхидей-призраков. Однажды она развела воды Лё-Меланколик, чтобы я могла пройти по морскому дну, а русалки-мелузины, приникнув к стенам воды, наблюдали за нами. Они разведали блестящими волосами и сверкали серебристыми плавниками, а лица их были прекрасны и зловещи.

Уже тогда я знала, что сестры на самом деле праздновали скорее мою грядущую смерть, нежели жизнь, но позднее – в минуты слабости – я сомневалась, что и моя мать всегда видела все так же.

– Мы с тобой рождены под несчастливой звездой, – тихо сказала она в мой пятый день рождения, поцеловав меня в лоб.

Я очень смутно помнила то время – лишь тени в моей спальне, холодный ночной воздух на коже, эвкалиптовое масло в волосах, – но, кажется, по ее щеке скатилась слеза.

Вспоминая об этом, я понимала, что Моргана вовсе не праздновала мои дни рождения.

Она оплакивала их.

– Полагаю, в таких случаях полагается говорить спасибо. – Коко подошла к нам и оглядела бутылку, перебросив черные кудри через плечо.

Ансель покраснел еще гуще. Коко с усмешкой провела пальцем по изгибу стекла, а затем обняла Анселя, прижавшись к нему всеми собственными своими изгибами.

– Какого года сбор?

Бо закатил глаза при виде столь очевидно картинного жеста и наклонился собрать луковицы. Коко краем глаза наблюдала за ним. Эти двое за несколько дней ни разу не поговорили по-человечески. Поначалу было забавно наблюдать, как Коко снова и снова жалит принца своими колкостями, но с недавних пор она и Анселя втянула в эту войну.

Скоро мне придется поговорить с ней об этом. Я посмотрела на Анселя, который до сих пор улыбался до ушей, глядя на вино.

Завтра. Поговорю с ней завтра.

Накрыв ладонь Анселя своей, Коко подняла бутылку, чтобы осмотреть осыпавшуюся этикетку. Огонь костра освещал мириады шрамов на ее темной коже.

– Voisâiné, – прочитала она медленно, с трудом разбирая буквы. Затем полой плаща стерла с этикетки пятно. – Это значит «бузина». – Коко посмотрела на меня. – Если так называется место, то я о нем не слышала. Но с виду вино *очень* старое, наверняка оно стоило целое состояние.

– На самом деле оно обошлось мне куда дешевле, чем ты думаешь.

Снова усмехаясь, прочитав подозрение на лице Рида, я подмигнула Коко и выхватила бутылку. Этикетку украшало изображение высокого летнего дуба и стоящего с ним огромного человека с рогами, копытами и в терновом венце. Глаза у него светились желтым, а зрачки походили на кошачьи.

– Страшный какой, – заметил Ансель, наклонившись над моим плечом и взглянув на этикетку повнимательней.

– Это Водвос. – Меня вдруг накрыло волной ностальгии. – Дикий Человек, обитатель леса, повелитель всех растений и зверей. В детстве Моргана рассказывала мне истории о нем.

От одного звучания имени моей матери все вмиг переменялось. Бо резко перестал хмуриться, Ансель – краснеть, Коко – усмехаться. Рид огляделся вокруг, потянувшись за балисардой. Даже пламя костра задрожало, будто сама Морганадохнула морозным ветром, желая его загасить.

Улыбка застыла на моем лице.

С самого Модранита от Морганы не было вестей. Дни шли, но мы так и не встретили ни единой ведьмы. Справедливости ради, мы вообще мало что видели за все это время, кроме клетки из корней, в которой нам приходилось скрываться. Впрочем, на самом деле против Ямы я особо ничего не имела. Более того, несмотря на недостаток личного пространства и самодержавное правление мадам Лабелль, я почти обрадовалась, когда Ля-Вуазен не дала нам ответа. Мы получили отсрочку. Да и потом, здесь нам всего хватало. Колдовство мадам Лабелль грело нас и скрывало от чужих глаз, отводя беду, а Коко нашла неподалеку горный ручей. Течение не позволяло воде замерзать, и я верила, что в конце концов Анселю удастся поймать там рыбу.

Казалось, мы жили в своем собственном мирке вне времени и пространства. Моргана и ее Белые дамы, Жан-Люк и его шассеры, даже король Огюст – все они просто перестали существовать. Никто не мог тронуть нас здесь. Все было... на удивление мирно.

Совсем как в затишье перед бурей.

Мадам Лабелль высказала мой тайный страх.

– Вы же понимаете, что вечно скрываться мы не сможем, – проговорила она устало и уже далеко не в первый раз, а затем подошла к нам и забрала вино.

Мы с Коко хмуро переглянулись. Честное слово, если я услышу еще *хоть одно* злое предостережение, то самолично утоплю мадам Лабелль в этой бутылке.

– Мать все равно тебя найдет. Сами мы не сумеем утаить тебя от нее. Однако если получится найти союзников, привлечь еще кого-нибудь к нашей цели, возможно...

– Молчание кровавых ведьм – это уже ответ, и очень красноречивый. – Я выхватила бутылку обратно и попыталась выдернуть пробку. – Они не станут помогать нам, рискуя вызвать гнев Морганы. И поди еще пойми, в чем вообще нам нужно помогать и что у нас за *цель* такая.

– Вздор. Даже если Жозефина не пожелает помочь, есть и другие могущественные игроки, которых мы могли бы...

– Мне нужно еще время, – громко перебила я, едва ее слушая, и указала на свое горло. Колдовство Рида залатало мою рану и спасло мне жизнь, но толстый рубец остался на месте и до сих пор чертовски болел. Но задержаться здесь мне хотелось не поэтому. – Вы и сами не до конца исцелились, Элен. Планы будем строить завтра.

– Завтра. – Она сощурилась, услышав мое пустое обещание. Я уже несколько дней это твердила. На сей раз, однако, мои слова прозвучали иначе. Правдивее. Даже я сама услышала это. Терпение мадам Лабелль было на исходе. Будто подтверждая мои слова, она сказала: – Завтра мы все обсудим, независимо от того, ответит Ля-Вуазен на наш зов или нет. Все согласны?

Я воткнула нож в бутылку и резко его провернула. Все поморщились. Снова улыбаясь, я едва заметно кивнула.

– Кто желает выпить? – я щелкнула Рида пробкой по носу, а он раздраженно отмахнулся. – Ансель?

Тот широко распахнул глаза.

– Я не...

– Помилуй, у него еще молоко на губах не обсохло, какое уж там вино. – Бо выхватил бутылку у Анселя из-под носа и хлебнул от души. – Чтобы Анселю было привычнее, тут не обойтись без соски. Или без соска, раз уж мы нынче в такой близости с природой.

Я закашлялась от смеха.

– Перестань, Бо...

- Да, пожалуй, ты права, откуда ему знать, с какой стороны к женской груди подступиться.
- Ты когда-нибудь прежде выпивал, Ансель? – спросила Коко с любопытством.

Потемнев лицом, Ансель выхватил вино у Бо и впился в горлышко. Но фыркать и плевать не стал, а только разинул рот пошире и чуть ли не полбутылки выпил залпом. Наконец он утер губы тыльной стороной ладони и сунул бутылку Коко. Щеки у него все еще розовели.

- Хорошо пошло.

Я даже не знала, что смешнее – изумленные лица Коко и Бо или самодовольная физиономия Анселя. Я радостно хлопнула в ладоши.

- Умница, Ансель! Ты, конечно, говорил, что любишь вино, но я и не подозревала, что ты можешь хлестать его как воду.

Он пожал плечами и отвел взгляд.

- Я много лет прожил в Сан-Сесиле. Хочешь не хочешь, а полюбишь в конце концов. – Ансель снова посмотрел на бутылку в руках Коко. – Но это вино куда вкусней, чем то, что было у нас в храме. Где ты его достала?

- Да, – поддакнул Рид, которого все происходящее, похоже, не слишком забавляло. – Где ты его достала? Коко и Ансель его не покупали.

Обоим хватило совести принять покаянный вид.

- Ах. – Я захлопала ресницами, а Бо между тем предложил вино мадам Лабелль, которая резко качнула головой. Поджав губы, она ждала моего ответа. – Ни о чем меня не спрашивай, топ атоуг, и мне не придется тебе лгать.

На лице Рида заиграли желваки – он едва сдерживал гнев. Я сжалась, ожидая очередного вопроса. Синего мундира Рид больше не носил, но от старых привычек так просто не мог отказаться. Закон есть закон, и неважно, по какую сторону закона стоял он сам. Бедняжка.

- Прошу, скажи, что ты его не крала, – проговорил он. – Скажи, что просто нашла его в какой-нибудь яме.

- Ладно. Я его не крала. Я просто нашла его в какой-нибудь яме.

Рид скрестил руки на груди и смерил меня суровым взглядом.

- Лу.

- Что? – невинно спросила я.

Явно желая помочь, Коко предложила бутылку мне, и я медленно отхлебнула вина, с беззастенчивым восхищением любуясь мускулами Рида, его квадратным подбородком, пухлыми губами и медными волосами. Затем погладила его по щеке.

- Ты ведь не просил правды.

Он поймал мою руку и прижал к своему лицу, не отпуская.

- А теперь прошу.

Я посмотрела на него, чувствуя, как где-то у меня внутри зреет порыв солгать. Но нет. Нельзя. Я нахмурилась и помолчала немного, размышляя над тем, откуда во мне взялось это безотчетное желание. Рид принял мое молчание за отказ и придвинулся ближе, надеясь выманить ответ.

- Ты его украла, Лу? Правду, пожалуйста.

- Слишком уж снисходительный у тебя вышел тон. Еще разок попробуем?

Раздраженно вздохнув, Рид поцеловал мои пальцы.

- Ты совершенно невозможный человек.

- Отнюдь. Маловероятный – пожалуй, но уж точно не невозможный.

Я приподнялась на цыпочки и поцеловала Рида в губы. Покачав головой и невольно фыркнув, он наклонился ниже, обнял меня и ответил на поцелуй. Меня захлестнуло восхитительной жаркой волной, и я с недюжинным трудом сдержалась, чтобы не повалить Рида на землю и не надругаться над ним сию же минуту.

- Господи, – с отвращением пробормотал Бо. – Он как будто лицо ее ест.

Но мадам Лабелль не слушала. В ее глазах, таких знакомо-синих, сверкнул гнев.

– Отвечай на вопрос, Луиза.

Я окаменела, услышав ее резкий тон. Рид, к моему удивлению, тоже. Он медленно обернулся и посмотрел на нее.

– Ты покидала лагерь?

Исключительно ради Рида ответила я вежливо.

– Я ничего не крада. По крайней мере... – Я пожала плечами, выдавливая беззаботную улыбку. – Я не крада *вино*. Я его купила у корабейницы на дороге за пару крон, которые взяла у Рида.

– Ты обокрала моего сына?

Рид успокаивающе вскинул руку.

– Спокойно. Она вовсе не крада у...

– Он мой *муж*. – У меня уже челюсть заболела от всех этих натужных улыбок, и я подняла левую руку, подчеркивая свои слова. Перламутровое кольцо, которое когда-то принадлежало мадам Лабелль, сверкнуло на моем безымянном пальце. – Все, что мое, – его, все, что его, – мое. Разве это не входило в наши клятвы?

– Входило. – Рид быстро кивнул и ободряюще посмотрел на меня, а затем сурово – на мадам Лабелль. – Луиза может брать все, что мне принадлежит.

– Разумеется, сынок. – Она поджала губы, тоже изобразив улыбку. – Однако не могу не подметить: по закону вы до сих пор не женаты. Луиза назвалась ложным именем, именно оно значится в свидетельстве о браке, следовательно, никакой силы свидетельство не имеет. Если ты тем не менее предпочитаешь всем делиться с Луизой, то, безусловно, имеешь на это полное право, но помни: делать это ты никоим образом не обязан. Особенно если она настойчиво продолжает подвергать тебя и *всех нас* опасности своим необдуманным, опрометчивым поведением.

Наконец моя улыбка увяла.

– Я скрыла лицо под капюшоном. Та женщина меня не узнала.

– А если все-таки узнала? А если шассеры или Белые дамы сегодня же ночью наведаются к нам? Что будет тогда?

Я не ответила, и мадам Лабелль вздохнула и тихо продолжила:

– Я понимаю твоё нежелание признавать это, Луиза, но если закрыть глаза, от чудовищ ты скрыться не сможешь. Только ослепнешь сама. – И напоследок она сказала еще тише и мягче: – Ты скрывалась достаточно долго, чтобы понимать это.

Вдруг ощутив себя не в силах ни на кого смотреть, я отпустила Рида – и тут же почувствовала, как мне не хватает его тепла. Он шагнул ближе, словно желая снова меня обнять, но я только глотнула еще вина.

– Ладно, – сказала я наконец, заставив себя встретить твердый взгляд мадам Лабелль. – Из лагеря мне уходить не стоило, но я ведь не могла попросить Анселя купить себе подарок самому. Дни рождения – это святое. А все планы можно отложить на завтра.

– Я серьезно, – настойчиво повторил Ансель. – Мой день рождения только в следующем месяце. В этом вовсе не было нужды.

– Нет, была. Может, в следующем месяце нас...

Я осеклась, прикусив свой глупый язык, но было поздно. Я не произнесла слов вслух, но они все равно эхом прокатились по лагерю. «Может, в следующем месяце нас здесь уже не будет». Сунув бутылку обратно Анселю, я заговорила снова:

– Позволь нам отметить твой день рождения, Ансель. Не каждый день человеку исполняется семнадцать лет.

Ансель покосился на мадам Лабелль, будто прося разрешения. Она сухо кивнула.

– *Завтра*, Луиза.

– Конечно. – Я снова позволила Риду притянуть меня к себе и изобразила еще одну отвратительную улыбку. – Завтра.

Рид снова поцеловал меня – на этот раз яростней, настойчивей, словно ему было что доказывать. Или терять.

– А сегодня мы будем праздновать.

Солнце скрылось за деревьями. Ветер бушевал все пуще, а тучи все больше сгущались.

Похищенные мгновения

Рид

Лу спала крепко-крепко. Прижавшись щекой к моей груди, с разметавшимися волосами у меня на плече, она глубоко дышала. Глубоко и мерно. В минуты бодрствования такой покой она знавала редко. Я погладил Лу по спине, наслаждаясь ее теплом. Силой воли заставил себя ни о чем не думать и не смыкать глаз. Даже не моргать. Просто смотреть вверх – на деревья, которые покачивались у меня над головой. Я ничего не видел. Ничего не чувствовал. Я словно онемел.

С самого Модранита сон редко посещал меня. А если такое и случалось, я сожалел об этом.

Мои сны преобразились в нечто темное и тревожное.

Маленькая тень показалась из-за сосен, подошла ко мне и села рядом, тряхнув хвостом. Абсалон – так его назвала Лу. Прежде я полагал, что это обычный черный кот, но она быстро указала мне на ошибку. Это был вовсе не кот, а матагот – мятущийся дух, не сумевший уйти в мир иной и принявший облик животного.

– Матаготов тянет к тем, кто им подобен, – сообщила мне Лу, хмурясь. – К беспокойным, измученным тревогами душам. Должно быть, кто-то из нас привлек его сюда.

Выразительный взгляд Лу ясно говорил о том, кто, по ее мнению, сделал это.

– Уйди. – Я оттолкнул противоестественное создание локтем. – Брысь.

Матагот моргнул, глядя на меня зловещими янтарными глазами. Когда я вздохнул, уступая, он свернулся клубком возле меня и заснул.

Абсалон. Я погладил его по спине пальцем и с досадой услышал, как тот заурчал. Измученная тревогами душа? Нет, это не обо мне.

Я снова уставился на деревья, зная, что никто не поверит в это.

Затерявшись в пучине мыслей, я не заметил, как несколько мгновений спустя зашевелилась Лу. Она приподнялась на локте, щекоча мне волосами лицо, и склонилась надо мной. Ее голос был тихим, мягким после сна, сладким от вина.

– Ты не спишь.

– Да.

Она взглядела мне в глаза – с сомнением, с тревогой, – и почему-то к горлу у меня подкатил ком. Лу хотела что-то сказать, спросить, но я перебил ее. Произнес первое, что пришло на ум:

– Что стало с твоей матерью?

Лу моргнула.

– О чем ты?

– Она всегда была такой?..

Вздыхнув, Лу опустила подбородок мне на грудь. Покрутила перламутровое кольцо на пальце.

– Нет. Не знаю. Может ли человек родиться злым?

Я покачал головой.

– Вот и я так не думаю. Мне кажется, она заплутала где-то по пути. Это несложно, когда дело касается колдовства.

Я тут же напрягся, и Лу посмотрела на меня.

– На самом деле все не так, как тебе кажется. Магия не... В общем, с ней все ровно так же, как и с чем угодно. Когда хорошего слишком много – это уже плохо. Это может вызвать зависимость. Моя мать... полагаю, она очень любила власть. – Лу хохотнула. Смешок вышел безрадостным, горьким. – А когда для человека *абсолютно все* – вопрос жизни и смерти, ставки куда выше. Чем больше мы приобретаем, тем больше и теряем.

«Чем больше мы приобретаем, тем больше и теряем».

– Понимаю, – сказал я, хоть и не понимал. Ничто в этом мировоззрении не было мне близко. Зачем вообще заниматься колдовством, рискуя утратить свою суть?

Словно ощутив мое отвращение, Лу снова приподнялась, чтобы лучше меня видеть.

– Это дар, Рид. Ты еще столько всего не видел. Магия – прекрасна, необузданна, свободна. Я понимаю твою неприязнь, но вечно скрываться от магии ты не сможешь. Это часть тебя.

Я не нашелся что ответить. Слова застряли в горле.

– Ты готов поговорить о том, что случилось? – спросила Лу тихо. Я провел пальцами меж ее волос и коснулся губами ее лба.

– Не сегодня.

– Рид...

– Завтра.

Лу тяжело вздохнула, но, к счастью, продолжать расспросы не стала. Она почесала Абсалона за ушами и снова легла. Вместе мы посмотрели наверх, на клочки неба, что виднелись сквозь кроны. Я вновь погрузился в осторожное, пустое безмолвие своих мыслей.

Часы или мгновения спустя Лу заговорила снова.

– Как думаешь... – Ее тихий голос резким рывком вернул меня в настоящее. – Похороны будут?

– Да.

Я не стал спрашивать, о чьих именно похоронах она говорит. И без того было ясно.

– Даже после всего, что случилось?

«Прекрасная ведьма под ложной личиной во грех вовлекла его, ныне мужчину». Сердце у меня болезненно кольнуло воспоминанием о спектакле Древних сестер. О светловолосой рассказчице, лет тринадцати-четырнадцати, не более, – самой дьяволице под личиной девы. Она казалась такой невинной, когда выносила нам приговор. Походила почти что на ангела.

«Ведьма весть принесла, вновь его посетя – от союза их вскоре... родилось дитя».

– Да.

– Но... он ведь был моим отцом.

Лу тяжело сглотнула, и я повернулся к ней и обнял за шею. Прижал ближе к себе, ощущая, что чувства вот-вот нахлынут и задушат меня. В отчаянии я попытался отступить в крепость, которую воздвиг в своей душе, попытался укрыться в ее благословенно пустых глубинах. – Он вступил в связь с ведьмой. С самой Госпожой Ведьм. Быть не может, что после такого король будет проводить торжественные обряды в его честь.

– Никто не сумеет ничего доказать. Король Огюст не станет осуждать мертвеца по слову ведьмы.

Слово вырвалось прежде, чем я успел сдержаться. «Мертвеца». Я стиснул Лу крепче, а она коснулась моей щеки – не пытаясь заставить меня посмотреть на нее, а просто чтобы ко мне притронуться. Чтобы связать нас воедино. Я прильнул щекой к ее ладони.

Долгое мгновение Лу смотрела на меня, касаясь бесконечно ласково, бесконечно терпеливо.

– Рид, – сказала она наконец. Серьезно и выжидательно.

Я не мог на нее смотреть. Не мог вынести любви в ее глазах, таких знакомых мне. В *его* глазах. Даже если Лу пока этого не понимала, даже если сейчас ее это не волновало, настанет день, когда она возненавидит меня за содеянное. Потому что Архиепископ был ее отцом.

И я убил его.

– Рид, посмотри на меня.

В мыслях вспыхнуло непрошеное воспоминание. О том, как мой нож вонзился ему меж ребер. Как его кровь заструилась по моему запястью. Теплая, густая, влажная. Я повернулся к Лу и увидел в ее сине-зеленых глазах твердость и решимость.

– Пожалуйста, – прошептал я. К моему стыду – и унижению, – на этом мой голос надорвался. Жар прилил к щекам. Даже я сам не знал, чего от нее хочу. *Пожалуйста, не спрашивай меня об этом. Пожалуйста, не заставляй меня об этом говорить.* И, наконец, сквозь боль прорезался пронзительный вой, заглушивший все остальное.

Пожалуйста, помоги мне об этом забыть.

На лице Лу промелькнула целая гамма чувств – так быстро, что я едва заметил. Затем она вздернула подбородок, и в глазах ее блеснул коварный огонек. В следующий миг Лу забралась на меня, прижав палец к моим губам. Затем облизнулась.

– *Mon petit oiseau*², в последние дни ты, похоже, несколько... подавлен. – Она наклонилась ближе, касаясь носом моего уха. Отвлекая меня. Отвечая на мою невысказанную мольбу. – Я могу тебе с этим помочь.

Абсалон возмущенно зашипел и исчез.

Когда Лу прикоснулась ко мне, задвигалась – едва ощутимо, сводя меня с ума, – кровь отхлынула от моего лица, устремившись вниз. Я закрыл глаза, стиснул зубы, чувствуя, как внутри разгорается жар, и впился пальцами в бедра Лу, прижимая ее к себе.

Позади нас кто-то тихо вздохнул во сне.

– Здесь нельзя. – Мой сдавленный шепот прозвучал в тишине слишком громко.

Лу только усмехнулась и прижалась ко мне еще крепче – всем телом, – пока мои бедра не устремились ей навстречу. Один раз. Еще. И еще. Сначала медленно, затем все быстрее. Я откинулся на холодную землю, отрывисто дыша и все так же не открывая глаз. Низкий стон подступил к горлу.

– Кто-то может увидеть.

В ответ Лу дернула меня за ремень. Я распахнул глаза и выгнулся навстречу ее прикосновению, наслаждаясь им. Наслаждаясь *ею*.

– Пусть, – сказала она, тоже дыша с трудом.

Кто-то кашлянул.

– Мне плевать.

– Лу...

– Ты хочешь, чтобы я остановилась?

– Нет. – Я сжал ее бедра еще крепче, быстро сел, и наши губы соприкоснулись.

---

² Птенчик мой (*фр.*).

Снова кашель, на этот раз уже громче. Я почти не обратил на него внимания. Чувствуя, как Лу касается моего языка своим, как ее рука скользит в мои расстегнутые штаны, я бы не смог остановиться, даже если бы попытался. Пока не...

– *Хватит.* – Слово сорвалось с моих уст, и я отпрянул, поднимая Лу за бедра, отстраняя ее от себя.

Я не хотел, чтобы все зашло так далеко и так быстро, когда вокруг столько людей. Я выругался, тихо и злобно, и Лу растерянно заморгала и схватилась за мои плечи, чтобы удержать равновесие. Губы ее распухли, щеки покраснелись. Я снова зажмурился – крепче, крепче, *крепче*, – думая о чем угодно, лишь бы не о Лу. *Гнилое мясо. Плотоядная саранча. Морицинистая обвисшая кожа, что-нибудь сырое, свернувшееся, склизкое... Слизь. Капающая слизь или, или...*

Моя мать.

Воспоминание о первой нашей ночи здесь вспыхнуло в памяти с кристальной ясностью.

– *Я говорю совершенно серьезно, – предупреждает мадам Лабелль, отводя нас в сторону. – Никаких вылазок на тайные свидания. В лесу опасно. У деревьев есть глаза.*

Лу звонко и залиvisto смеется, а я захлебываюсь стыдом.

– *Мне известно, что между вами есть плотская связь – не пытайтесь это отрицать, – добавляет мадам Лабелль, когда я заливаюсь краской. – Но как бы ни были сильны ваши низменные порывы, угроза за границей лагеря слишком велика. Вынуждена просить вас до поры до времени их сдерживать.*

Я молча ухожу, но смех Лу все еще звенит в ушах. Мадам Лабелль неуклонно следует за мной.

– *Подобные желания совершенно естественны.*

Она огибает Бо, стараясь поспевать со мной. Он тоже трясется от смеха.

– *Право, Рид, подобная незрелость просто обескураживает. Ты ведь соблюдаешь осторожность, верно? Возможно, нам следует начистоту поговорить о мерах предохранения...*

Так. Получилось.

Нараставшее давление ослабло, и ему на смену пришла ноющая боль.

Тяжело выдохнув, я медленно опустил Лу обратно к себе на колени. Откуда-то со стороны Бо послышался очередной кашель. На этот раз громче. Выразительнее. Но Лу не сдавалась. Ее рука снова скользнула вниз.

– В чем дело, дорогой супруг?

Я поймал ее ладонь у себя на животе и смерил Лу сердитым взглядом. Нос к носу. Губы к губам.

– Распутница.

– Я тебе еще покажу распутницу...

Бо раздраженно вздохнул, сел и громко перебил нас:

– *Ау! Да, извините, пожалуйста! От вас, возможно, ускользнуло, что здесь, помимо вас, еще другие люди есть! – И, уже тише, он проворчал: – Хотя эти люди явно скоро иссохнут и умрут от длительного воздержания.*

Усмешка Лу превратилась в коварную ухмылку. Она посмотрела на небо – теперь лозе предрассветно-серое, – а затем обвила меня руками.

– *Солнце почти взошло, – шепнула она мне, и по моей шее побежали мурашки. – Может быть, найдем тот ручей и... искупаемся?*

Я неохотно посмотрел на мадам Лабелль. Ее не смогли разбудить ни мы, ни Бо. Даже во сне она была воплощением королевской грации. Королева в обличье мадам, что правит не королевством, а лишь борделем. Сложилась бы жизнь мадам Лабелль иначе, если бы отец

встретил ее прежде, чем женился? А моя? Я отвел взгляд, ощутив приступ отвращения к самому себе.

– Мадам Лабелль запретила нам покидать лагерь.

Лу мягко обхватила губами мочку моего уха, и я вздрогнул.

– Мадам Лабелль обо всем докладывает совершенно незачем. И потом... – Она коснулась пальцем высохшей крови у меня за ухом и на запястье. Такие же метки были у меня и на локтях, и на коленях, и на горле. С самого Модранита все мы носили подобные отметины. В качестве меры предосторожности. – Нас спрячет кровь Коко.

– Вода ее смоем.

– Я, между прочим, тоже владею колдовством. Как и ты. Если понадобится, мы сами сможем себя защитить.

«Как и ты».

Меня пробил озноб, и хоть я попытался не подать виду, Лу все равно это заметила. И закрыла глаза.

– Тебе придется однажды научиться им пользоваться. Обещай мне это.

Я выдавил улыбку и слегка стиснул Лу в объятиях.

– Я не против.

Явно не слишком мне поверив, Лу слезла с меня и распахнула свой спальный мешок.

– Вот и славно. Ты слышал, что сказала твоя мать. Завтра все это кончится.

Недоброе чувство охватило меня при этих ее словах, при виде ее лица. Я знал, что оставаться здесь бесконечно мы не сможем, знал, что нельзя просто ждать, пока Моргана или шассеры нас найдут, – но никакого плана у нас не было. И союзников тоже. И вопреки уверенности моей матери я не представлял, как мы сможем их найти. С чего бы хоть кому-то вступаться за нас против Морганы? Все, кто мог нам помочь, хотели того же, чего желала она – уничтожить своих угнетателей.

Тяжело вздохнув, Лу свернулась клубком спиной ко мне. Ее волосы разметались каштаново-золотистой волной. Я взлохматил их пальцами, надеясь успокоить Лу. Освободить от напряжения, которое вдруг сковало ее плечи, от безнадежности, которая слышалась в ее голосе. Лишенная надежды Лу казалась чем-то до крайности неправильным и попросту невозможным. Как умудренный жизнью Ансель или некрасивая Козетта.

– Вот бы... – прошептала она. – Вот бы можно было остаться здесь жить навсегда. Но чем дольше мы здесь остаемся, тем больше кажется, будто... будто мы просто крадем эти мгновения счастья. Что они совсем нам не принадлежат. – Лу сжала руки в кулаки. – И в конце концов она их заберет. Вырежет эти похищенные мгновения из наших сердец, если придется.

Мои пальцы застыли у нее в волосах. Медленно и размеренно дыша, сдерживая гнев, который поднимался внутри при каждой мысли о Моргане, я взял Лу за подбородок и заставил посмотреть на меня. Ощутить весомость моих слов. Искренность моего обещания.

– Тебе не нужно ее бояться. Мы не допустим, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она самоуничижительно фыркнула.

– Я ее не боюсь. Я... – Она вдруг резко вывернулась из моих рук. – Забудь. Даже говорить не хочу, это просто жалко.

– Лу. – Я помассировал ей шею, пытаясь помочь расслабиться. – Ты можешь мне сказать.

– Рид, – ответила она так же тихо и мило улыбнулась мне, обернувшись. Затем, все еще улыбаясь, резко ткнула меня локтем в ребра. – Отвяжись.

– Лу... – повторил я, уже настойчивее.

– Просто забудь! – рявкнула она. – Я не хочу это обсуждать.

Долгую секунду мы сверлили друг друга взглядами – я между тем возмущенно потирал ушибленное ребро, – и наконец Лу ощутило сникла.

– Слушай, я серьезно. Просто забудь, что я что-то говорила. Сейчас это неважно. Остальные скоро проснутся, и можно будет начать строить планы. Со мной все в порядке. Правда.

Но я понимал, что с ней далеко не все в порядке. И со мной тоже.

Господи. Как же мне хотелось просто обнять ее.

Я нервно провел рукой по лицу и бросил взгляд на мадам Лабелль. Она все еще спала. Даже Бо зарылся обратно в свой спальный мешок, снова не видя ничего вокруг. Что ж. Торопясь, чтобы не передумать, я подхватил Лу на руки. До ручья было идти недалеко. Я знал – мы успеем вернуться прежде, чем кто-то нас хватится.

– Завтра еще не настало.

Тревожный знак

Рид

Лу лениво и умиротворенно плавала на поверхности воды. Глаза ее были закрыты, руки – широко раскинуты, копна густых волос разметалась вокруг. С неба, усеивая ее ресницы и щеки, мягко падали снежинки. Хоть я никогда и не видел мелузин – лишь читал о них в древних гробницах Сан-Сесилия, – мне казалось, что они выглядели именно как она в тот миг. Прекрасные. Невесомые.

Обнаженные.

Мы сбросили одежду на ледяном берегу заводи. Вскоре Абсалон возник неподалеку и зарылся в нее. Мы не знали, куда он исчезает, когда теряет телесный облик. Лу это заботило больше, чем меня.

– У колдовства есть свои преимущества, правда? – пробормотала она, проводя по воде пальцем. От касания Лу с поверхности поднимался пар. – Без него мы бы сейчас уже отморозили себе все самое интересное. – Она усмехнулась и приоткрыла один глаз. – Хочешь, покажу?

Я вскинул бровь.

– Спасибо, мне и отсюда все неплохо видно.

Лу хмыкнула.

– Ну и свинья же ты. Я про колдовство.

Когда я не ответил, она погрузилась глубже, оставаясь на плаву. До дна заводи Лу не доставала, в отличие от меня. Мне вода была по шею.

– Хочешь, я научу тебя греть воду? – спросила она.

На этот раз я был готов. Не вздрогнул. Не поколебался. Но все же сглотнул.

– Конечно, давай.

Лу сощурилась и посмотрела на меня.

– Что-то я не вижу особого рвения, шасс.

– Мои извинения. – Я занырнул чуть глубже и поплыл к ней. Медленно. Хищно. – О Светозарная госпожа, молю тебя поделиться со мною своим несравненным колдовским мастерством. Сию же минуту я должен узреть его, а иначе я непременно умру. Так лучше?

– Другое дело. – Она фыркнула, вздернув нос. – Итак. Что тебе известно о магии?

– Ровно то же, что и месяц назад. – Неужели с тех пор, как Лу спрашивала об этом в прошлый раз, миновал всего месяц? Казалось, что целая жизнь. Теперь все изменилось. И отчасти в глубине души я сожалел об этом. – Ничего.

– Ерунда.

Лу раскинула руки, когда я подплыл к ней, обняла меня за шею и обхватила ногами за пояс. Подобная поза могла бы показаться развратной, но нет. Она была просто... интимной. Настолько близко я мог пересчитать у Лу на носу все веснушки, увидеть капли воды на ее ресницах. Приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не поцеловать ее снова.

– Ты знаешь больше, чем тебе кажется. Ты уже почти две недели провел рядом со своей матерью, мной и Коко, а на Модранит...

Она резко замолкла, а потом притворно закашлялась. У меня сжалось сердце. «А на Модранит ты с помощью колдовства убил Архиепископа».

Кашлянув еще раз, Лу заговорила снова:

– Я... просто знаю, что ты внимательно следил за нами. Твой разум – все равно что капкан.

– Капкан, – эхом отозвался я, снова отступая в свою крепость.

Она и не подозревала, насколько была права.

Я не сразу понял, что Лу ждет моего ответа. И отвернулся, не в силах смотреть ей в глаза. Теперь они были голубыми. Почти что серыми. Такими знакомыми. Я видел в них свое предательство.

Будто прочтя мои мысли, деревья зашумели вокруг, и клянусь, я услышал среди ветра его шепот...

«Ты был мне как сын, Рид».

Меня прошиб озноб.

– Ты слышала? – Я завертел головой, крепче прижимая к себе Лу. Она не дрожала. – Ты его слышала?

Лу осеклась на полуслове. Напряглась всем телом и тревожно огляделась.

– Кого?

– Я... как будто бы слышал...

Я покачал головой. Нет, быть того не может. Архиепископ мертв. И теперь меня преследуют плоды моего собственного воображения. В мгновение ока деревья вдруг стихли, и ветер – если он вообще был – тоже замолк.

– Показалось. – Я потряс головой яростней, мысленно повторяя это снова и снова, будто от беспрестанного повторения слова могли стать правдой. – Мне просто показалось.

И все же... В воздухе ощущался не только острый запах сосен, но и чье-то присутствие. Нечто живое, нечто разумное наблюдало за нами.

«Прекрати, что за вздор», – упрекнул я себя.

Но Лу из объятий не выпустил.

– У деревьев в этом лесу есть глаза, – прошептала она, повторяя недавние слова мадам Лабелль, и снова с опаской оглянулась. – Они могут... заглядывать в разум человека и исказить его мысли. Воплощать страхи в жизнь, превращать их в чудовищ. – Лу вздрогнула. – Когда я сбежала в первый раз, в ночь после шестнадцатилетия... Я думала, что сойду с ума. Я видела такое...

Она замолкла, глядя в одну точку.

Я не смел даже вздохнуть. Прежде Лу не рассказывала мне подобного. Не говорила вообще ничего о своем прошлом до Цезарина. Пусть и обнаженная в этот миг, Лу носила свои тайны как броню и ни для кого не желала ее снимать. Даже для меня. Особенно для меня. Все вокруг померкло – водоем, деревья, ветер, – и остались лишь голос и лицо Лу, блуждавшей в глубинах памяти.

– Что ты видела? – спросил я мягко.

Она поколебалась, прежде чем ответить.

– Твоих сестер и братьев.

Я резко втянул воздух.

– Это было ужасно, – продолжила Лу. – Я от страха ничего не видела вокруг, только кровь повсюду. Мать преследовала меня. Я слышала среди деревьев ее голос. Она когда-то шутила, что деревья – ее шпионы. Но я не знала, что происходит взаправду, а что нет. Лишь знала, что должна спастись. И тогда послышались крики. Душераздирающие крики. Рука вырвалась из земли и схватила меня за лодыжку. Я упала, и на меня... И на меня заполз труп.

При мысли об этом к моему горлу подступила тошнота, но перебивать я не смел.

– У него были золотистые волосы, а горло... выглядело совсем как мое. Он вцепился в меня, умолял помочь – только говорил невнятно из-за... – Она коснулась своего шрама. – Из-за крови. Я смогла от него убежать, но там были и другие. Так много. – Лу безвольно уронила руки в воду. – Избавлю тебя от неприятных подробностей. Так или иначе, все это был лишь морок.

Я посмотрел на ее ладони.

– Ты сказала, что деревья – шпионы Морганы.

– Она так говорила. – Лу рассеянно подняла руку. – Но ты не волнуйся. В лагере нас прячет мадам Лабелль, а Коко...

– Но они все равно заметили нас сейчас. Деревья. – Я схватил ее за запястье и оглядел кровавую метку. Вода уже успела отчасти ее размыть. Я посмотрел на собственные руки. – Нужно уходить. Сейчас же.

Лу в ужасе уставилась на мою чистую кожу.

– Черт. Я же тебя просила следить за...

– Веришь или нет, у меня другое было на уме! – рявкнул я и потащил ее к берегу.

Дураки. Какие же мы дураки. Слишком сильно увлеклись, поглощенные друг другом – и *сегодняшним днем*, – чтобы осознать опасность. Лу извивалась, будто стараясь освободиться.

– Перестань! – я попытался удержать ее за руки и ноги. – Держи запястья и горло над водой, а не то нам обоим...

Она застыла в моих руках.

– Наконец-то, спасибо...

– Замолкни, – прошипела она, напряженно глядя мне за спину. Я едва успел обернуться и заметить за деревьями серые мундиры, как Лу затянула меня под воду с головой.

На дне заводи было темно. Слишком темно – я не видел ничего, кроме лица Лу, размытого и бледного за пеленой воды. Она до боли крепко сжимала мои плечи, отчего они уже стали неметь. Я пошевелился, попытавшись ослабить ее хватку, но Лу сжала меня еще сильнее, качая головой. Она все еще смотрела мне за спину, и глаза ее были широко распахнуты – и пусты. Вместе с бледной кожей и развевающимися в воде волосами это выглядело... зловеще.

Я слегка потряс Лу, но глаза ее так и не обрели осмысленного выражения.

Я потряс ее снова. Лу нахмурилась, еще крепче вцепившись в меня.

Если бы я мог, выдохнул бы с облегчением. Но я не мог.

Мои легкие разрывались на части.

Когда Лу затолкнула меня под воду, я не успел сделать вдох, не успел подготовиться к внезапному пронизывающему холоду, который меня окутал. Ледяные пальцы вцепились мне в кожу, оглушая меня, *лишая* чувств. Колдовство, которым Лу согревала воду, испарилось. Я ощутил, как онемение расползается по моему телу от пальцев ног и рук. За ним последовала и паника.

А потом – точно так же внезапно – я ослеп.

Все вокруг почернело.

Я забился в руках Лу, выдыхая последнее, что еще оставалось, но она держала меня, обхватив руками и ногами за туловище, и сжимала, тянула меня ко дну водоема. Я сопротив-

лялся, чувствуя, как вокруг пляшут пузыри. Держа меня совершенно нечеловеческой хваткой, Лу вдруг потерлась своей щекой о мою. Будто хотела... успокоить меня. Утешить.

Вот только она топила нас обоих, и в груди у меня стало слишком тесно, слишком крепко сжалось мое горло. Ни спокойствия, ни утешения я не чувствовал. С каждой секундой мои руки и ноги тяжелели все больше. В последней отчаянной попытке я со всей силы рванулся к поверхности. Лу дернулась, и ил у меня в ногах вдруг затвердел. Последняя надежда на спасение угасла.

И в этот миг Лу ударила меня по губам.

Я отпрянул, изумленный, едва сохраняя остатки сознания, и приготовился ощутить, как вода наполнит мой рот, а затем легкие, и положит конец моей агонии. Быть может, смерть от утопления даже окажется мирной. Я никогда не задумывался об этом. Когда я представлял свою смерть, то полагал, что меня убьет лезвие клинка. Или же ведьма искалечит мое тело. Все эти кончины жестокие и болезненные. Утонуть лучше. Проще.

Оказавшись на пределе, я сделал вдох – против собственной воли, это вышло само собой. Закрыв ослепшие глаза. Обнял Лу, зарылся носом ей в шею. Что ж, по крайней мере, Моргана до нас не доберется. По крайней мере, я не познаю, каково это – жить без Лу. Пусть малая, но уже победа. Важная победа.

Но воды все не было. Вместо нее невероятно свежий воздух хлынул мне в рот, а вместе с ним – сладчайшее облегчение. Хотя я и не видел ничего вокруг, хоть холод и оставался пронизывающим до костей – я мог дышать. Мог думать. Осознанность захлестнула меня волной, сбивая с толку. Я снова глубоко вдохнул. И снова, и снова. Это... было невыносимо. Я *дышал под водой*. Как Ионин кит. Как мелузины. Как...

Как по волшебству.

Мое сердце пронзил осколок разочарования – необъяснимо и быстро. Вокруг была вода, но все равно я ощутил себя... грязным. Оскверненным. Вся свою жизнь я ненавидел магию, а теперь... Теперь она одна защищала меня от тех, кого прежде я звал братьями. Как так вышло?

Из мыслей меня вырвали голоса. Они были слышны ясно и четко, как будто мы стояли на берегу рядом с говорящими, а не скрывались под водой. Снова колдовство.

– Боже, как же мне нужно отлить.

– Не в заводь же, дурень! Ступай ниже по течению!

– Да поспеши. – Послышался третий, нетерпеливый голос. – Капитан Туссен ждет нас в деревне. Последняя вылазка – и на рассвете уходим.

– Слава богу, что он так рвется назад к своей девице.

Один из них потер ладони, чтобы согреть. Я нахмурился. Что за девица?

– Честно скажу, я только рад поскорее убраться отсюда. Столько дней поисков, и что мы получили в итоге? Обморожение да...

Четвертый голос.

– Это что... одежда?

Лу уже впиалась в меня ногтями до крови. Я едва чувствовал это. Сердце колотилось в ушах. Если они осмотрят одежду, если возьмут мое пальто и рубашку, то найдут мой плечевой ремень.

И мою балисарду.

Голоса стали громче – мужчины подошли ближе.

– Похоже, тут две кучи.

Молчание.

– Ну, они явно не здесь. Вода слишком холодная.

– Они бы насмерть заморзли.

Я представил, как шассеры подходят к воде, высматривая кого-нибудь в глубинах заводи. Но деревья скрывали ручей в тени даже от рассветного солнца, а из-за ила вода была мутна. Снег уже наверняка замел наши следы.

Наконец первый пробормотал:

– Никто не смог бы задержать дыхание так надолго.

– Ведьма смогла бы.

Снова молчание, на этот раз долгое. И недоброе. Я затаил дыхание, считая каждое биение сердца.

Тук-тук.

Тук-тук.

Тук-тук.

– Но... это же мужская одежда. Смотри. Штаны.

Черноту у меня перед глазами заволок красный туман. Если они найдут мою балисарду, я силой вырвусь из окаменевшего ила, даже если останусь без ног.

Тук-тук.

Тук-тук.

Я никому не отдам свой клинок.

Тук-тук.

Я их всех уложу на лопатки.

Тук-тук.

Я ее не потеряю.

– Думаешь, утонули?

– Без одежды?

– И впрямь, куда разумней предположить, что они где-то поблизости гуляют по снегу нагишом.

Тук-тук.

– Может, их ведьма под воду утянула.

– Милости прошу, полезай проверь.

Возмущенное фырканье.

– Вода ледяная. И кто его знает, что там прячется? Да и потом, если их и правда ведьма туда затащила, они уж точно утонули. Что толку и мне пропадать?

– Эх ты, тоже мне, шассер называется.

– Что-то я не вижу, чтобы ты сам рвался туда нырять.

Тук-тук.

Где-то на задворках моего разума мелькнуло осознание, будто мое сердце бьется все медленней. Я ощутил, как знакомый холод расплзается по рукам и ногам. Это был тревожный знак. Хватка Лу постепенно ослабла. В ответ я сам стиснул ее крепче. Не знаю, как именно она помогала нам дышать и лучше слышать, но это колдовство вытягивало из нее все силы. А может, не колдовство, а холод. Так или иначе, я чувствовал, как Лу угасает. Я должен был хоть что-то предпринять.

Инстинктивно я стал искать внутри тьму, которую прежде ощущал лишь однажды. Пропасть. Пустоту. То самое место, куда я падал, пока Лу умирала; место, которое я оставил под замком и с тех пор стремился забыть. Теперь же я изо всех сил пытался высвободить его, вслепую тянулся к нему сквозь подсознание. Но тщетно. Я не мог его найти. Чувствуя, как внутри у меня зреет тревога, я запрокинул голову Лу и коснулся ее губ своими. Силой вдохнул воздух ей в рот. И продолжал искать, но золотых нитей не было. Никаких *узоров*. Только ледяная вода, слепые глаза и Лу – ее голова безвольно повисла, руки соскользнули с моих плеч, грудь бездыханно застыла. Я затряс ее, ощущая, как тревога перерастает в отчаянный гнетущий страх,

и лихорадочно пытаюсь придумать хоть что-нибудь, *что угодно*, лишь бы помочь Лу. Мадам Лабелль говорила о равновесии. Может быть, получится...

Я не успел додумать мысль до конца – мои легкие прошило болью. Вода хлынула в рот. Зрение резко возвратилось, ил в ногах обмяк, а значит...

Лу потеряла сознание.

Я не стал размышлять ни секунды, не стал рассматривать золотое свечение, вспыхнувшее на краю зрения. Схватив Лу, я ринулся вверх.

Прелестная куколка

Лу

Мое тело охватил жар. Поначалу медленно, постепенно, а затем – всюду сразу.

Ноги и руки закололо почти до боли, и я ощутила, что прихожу в себя. Кляня уколы множества незримых булавок, снег, ветер и смрад с привкусом меди в воздухе, я застонала и открыла глаза. Горло болело так, будто кто-то сунул мне в глотку раскаленную кочергу.

– Рид? – прохрипела я. Потом закашлялась, и мою грудь сотрясло отвратительное хлюпанье. Затем я попыталась снова: – Рид?

Чертыхнувшись, когда он не ответил, я перекатилась набок.

И тут же придушенно вскрикнула и отпрянула.

На меня смотрел мертвый шассер. Его бледная кожа почти сливалась цветом с заледевшим берегом заводи – шассер почти истек кровью, и та уже успела растопить снег вокруг, впитываясь в землю и стекая ручейками в воду.

Троим товарищам шассера повезло немногим больше. Их трупы валялись на берегу, а вокруг были разбросаны ножи Рида.

Рид.

– Твою мать!

Я бросилась к нему. Рид лежал рядом со мной с другой стороны – лицом в снегу, в наспех зашнурованных штанах, а рука и голова его застряли в рубашке, будто он потерял сознание, не успев одеться до конца.

Снова выругавшись, я перевернула Рида на спину. Его волосы примерзли к окровавленному лицу, кожа посерела, почти что посинела. Господи.

Господи, господи, господи.

Лихорадочно прижавшись к его груди, я чуть не разрыдалась от облегчения, услышав биение сердца. Едва слышное, но оно было. Мое собственное сердце предательски бодро колотилось в груди, а волосы и кожа у меня оказались невозможно теплыми и сухими. Волной тошноты на меня снизошло осознание – этот болван чуть сам себя не прикончил, пытаясь спасти меня.

Я прижала ладони к груди Рида, и золото вспыхнуло у меня перед глазами паутиной бесчисленных возможностей. Я быстро пролистала их, слишком волнуясь, чтобы медлить и думать о последствиях, – и застыла, когда на ум пришло воспоминание: моя мать гладит меня по волосам в ночь на шестнадцатый день рождения. В ее взгляде нежность, в улыбке – тепло.

Тепло.

«Береги себя, милая, когда мы разлучимся. Береги, пока мы не встретимся вновь».

«Ты будешь помнить меня, Матап?»

«Я никогда не смогла бы забыть тебя, Луиза. Я люблю тебя».

Вздвигнув от ее слов, я дернула золотую нить, и та изогнулась в моих руках. Воспоминание переменялось. Глаза матери превратились в изумрудные льдинки, и она усмехнулась, увидев надежду в моих глазах и услышав отчаяние в моем голосе. Шестнадцатилетняя я поникла. На глаза навернулись слезы.

«Разумеется, я не люблю тебя, Луиза. Ты – дочь моего врага. Ты была зачата во имя высшей цели, и отравлять эту цель любовью я не стану».

Конечно. Конечно, она не любила меня – даже тогда. Я тряхнула головой, пытаюсь прийти в себя, и сжала руку в кулак. Воспоминание рассыпалось золотой пылью, и его тепло хлынуло в Риду. На его волосы и одежду дохнуло жаром, и они высохли в один миг. Кожа его снова обрела краски, дыхание стало глубже. Когда я попыталась просунуть руку Риду в рукав рубашки, он приоткрыл глаза.

– Перестань отдавать мне тепло своего тела! – рявкнула я, яростно натягивая рубашку ему на живот. – Ты сам себя убиваешь.

– Я... – Он оторопело поморгал, оглядывая кровавый пейзаж вокруг. И снова побледнел при виде мертвых братьев.

Я взяла его за щеки и повернула к себе.

– Смотри на меня, Рид. Не на них. Ты должен разорвать узор.

Рид уставился на меня широко распахнутыми глазами.

– Я... Я не знаю как.

– Просто расслабься, – мягко проговорила я, убирая волосы с его лба. – Представь себе нить, которая связывает нас, и просто... отпусти ее.

– Отпустить. – Рид хрипло хохотнул, вот только ему было совсем не смешно. – Ладно.

Качая головой, он закрыл глаза и сосредоточился. Спустя долгое мгновение тепло, что пульсировало между нами, сошло на нет и сменилось жгучим холодом, который окутывал нас.

– Хорошо, – сказала я, чувствуя, как этот холод пробирает меня до костей. – А теперь расскажи, что случилось.

Рид резко распахнул глаза, и в этот короткий миг я успела увидеть в них вспышку искренней, неподдельной боли. У меня перехватило дыхание.

– Они не хотели отступать. – Рид тяжело сглотнул и отвел взгляд. – Ты умирала, я должен был вытащить тебя на берег. Но они нас узнали и ничего не хотели слушать...

Так же быстро, как и появилась, боль в его глазах исчезла. Погасла, как пламя свечи. Ей на смену пришла тревожная пустота.

– Кто-то должен был погибнуть... или они, или ты.

Воцарилось молчание. Безрадостная истина обрушилась на меня, словно обухом ударив по голове.

Риду уже не впервые приходилось выбирать между мной и другим человеком. Уже не впервые он замарал руки кровью своей семьи, чтобы спасти меня. *Боже мой.*

– Конечно, – затараторила я до омерзения беззаботно, улыбаясь до омерзения широко и слишком быстро кивая. – Все в порядке. Все хорошо.

Я вскочила и протянула Риду руку. Рид помедлил секунду, глядя на нее, и у меня упало сердце. Но я только улыбнулась еще шире. Конечно, он не решится так легко меня коснуться. И не только меня – кого угодно. Он только что пережил нечто страшное, впервые с Модранита использовал колдовство и с его помощью навредил своим братьям. *Разумеется*, ему тяжело. *Разумеется*, он не хочет, чтобы я...

Я отбросила непрошеную мысль прочь, съежившись так, будто она меня укусила. Но было поздно. Яд сомнений уже проник мне под кожу и стал растекаться по телу. Чувствуя это,

я отрешенно смотрела, как безвольно опадает моя рука. В последний миг Рид успел поймать ее и крепко сжать.

– Не надо, – сказал он.

– Что не надо?

– Думать о том, о чем ты думаешь сейчас.

Я хохотнула, подыскивая остроумный ответ, но не нашла его. И просто помогла Риду встать.

– Пойдем обратно в лагерь. Не хотелось бы разочаровать твою матушку. Она уже наверняка слюнями истекает, мечтая поскорее поджарить нас с тобой на вертеле. И знаешь, я, может быть, даже буду не против. Хоть погреемся наконец.

Он кивнул, все еще пугающе бесстрастно, и молча натянул сапоги. Мы уже пошли назад к Яме, когда я застыла, краем глаза заметив какое-то движение.

Рид огляделся.

– В чем дело?

– Ни в чем. Давай ты пойдешь, а я догоню?

– Ты шутишь?

Снова движение, на этот раз уже заметнее. Моя улыбка, все еще слишком широкая и веселая, исчезла.

– Мне нужно в туалет, – заявила я хладнокровно. – Посмотреть желаешь?

Рид вспыхнул, закашлялся и втянул голову в плечи.

– Э... нет. Я подожду... вон там.

Он убежал за большую ель, даже не оглянувшись. Я посмотрела, как Рид уходит, удостоверилась, что он скрылся из виду, а затем направилась к источнику шума.

У самого края заводи лежал, с мольбой глядя на меня, последний, еще живой шассер. Он до сих пор сжимал в руках балисарду. Я опустилась на колени рядом с ним и, чувствуя тошноту, вырвала клинок из его замерзших пальцев. Разумеется, Рид не забрал балисарду у него или у остальных. Он бы не перешел эту черту. И неважно, что позднее ведьмы могли найти здесь их тела и забрать зачарованные клинки себе. Для Рида лишить своих братьев самой их сущности перед смертью было немыслимо, даже хуже, чем просто убить их.

Бледные губы шассера шевелились, но он не издавал ни звука. Я мягко перевернула его на живот. Моргана однажды научила меня, как мгновенно убить человека.

– У основания головы, – говорила она, касаясь лезвием ножа моей собственной шеи. – Там, где череп переходит в позвоночник. Один удар ножом – и человеку уже не выжить.

Я провела ножом по шее шассера. Его пальцы задрожали от волнения. От страха. Но он и так уже стоял одной ногой в могиле, а даже будь у него шанс уцелеть – он видел наши лица. Возможно, даже видел, как Рид использовал колдовство. Я могла принести им обоим лишь один дар.

Глубоко вздохнув и сосредоточившись, я вонзила балисарду в основание черепа шассера. Его пальцы резко обмякли. Помедлив еще секунду, я перевернула шассера обратно на спину, сложила его руки на груди и поместила балисарду между ними.

Как я и предполагала, мадам Лабелль поджидала нас на краю Ямы, покрасневшись и сверкая глазами. Казалось, она вот-вот начнет выдыхать огонь.

– Где вас... – Она осеклась, увидев, что мы растрепаны и полуодеты. Рид до сих пор не зашнуровал штаны и поспешил сделать это только теперь. – Остолопы! – взывала мадам Лабелль так громко, пронзительно и визгливо, что парочка горлиц неподалеку взмыли в небо. – Бестолочи! Безмозглые упрямые дети! Вы способны думать хоть чем-нибудь, что находится выше пояса?

– Когда как.

Я направилась к своему спальному мешку, таща за собой Рида, и набросила ему на плечи свое одеяло. Он был все еще слишком бледен, едва дышал. Затянул под одеяло и меня, в благодарность слегка коснувшись губами моего уха.

– Хотя слышать, как хозяйка борделя вызывает к людской целомудренности, по меньшей мере странно.

– Ну не знаю. – Бо взлохматил пятерней и без того взъерошенные волосы. Он все еще был сонным. – В кои-то веки такое целомудрие я считал бы весьма... мудрым. А из моих уст эти слова что-то да значат. – Он изогнул бровь, посмотрев на меня. – Поразвлеклись-то вы хоть неплохо? Хотя нет, лучше не рассказывай. Будь это с кем угодно, кроме моего брата, может, я бы и послушал...

– Затихни, Бо, и разожги лучше огонь! – рявкнула Коко, оглядывая меня с ног до головы и хмурясь. – Это что, кровь? Ты ранена?

Бо всмотрелся в меня повнимательней и кивнул. Костер разжигать, однако, он не спешил.

– Выглядишь не лучшим образом, сестрица.

– Она тебе не сестрица, – прорычал Рид.

– И хуже тебя она выглядеть уж точно не способна, – добавила Коко.

Бо хмыкнул и покачал головой.

– Что ж, полагаю, каждый имеет право на мнение, пусть даже ошибочное...

– Хватит! – Мадам Лабелль, которая своими недовольствами уже изрядно меня утомила, всплеснула руками и смерила нас обоих суровым взором. – Что произошло?

Бросив взгляд на Рида – который напрягся, будто мадам Лабелль ткнула его кочергой, – я быстро пересказала события у ручья. Обо всем интимном я умолчала, но Бо все равно застонал и откинулся на спину, натянув одеяло на лицо. С каждым моим словом лицо мадам Лабелль каменело все больше.

– Я пыталась поддерживать четыре узора сразу, – сказала я резко, глядя, как она негодуяще щурится и багровеет. – Два для дыхания и два для слуха. Этого оказалось слишком много, и на подогрев воды меня просто не хватило. Я надеялась, что продержусь, пока шассеры не уйдут. – Я неохотно бросила взгляд на Рида, который упорно смотрел себе под ноги. Он уже вернул балисарду в ножны, но продолжал сжимать ее, так крепко, что побелели костяшки. – Прости, что не сумела.

– Ты не виновата, – пробормотал он.

Мадам Лабелль продолжала напирать безо всяких церемоний:

– Что стало с шассерами?

Я снова посмотрела на Рида, готовясь солгать, если будет нужно.

Он ответил за меня глухим голосом:

– Я их убил. Они мертвы.

Наконец – *наконец-то* – лицо мадам Лабелль смягчилось.

– А потом на берегу он отдал мне тепло своего тела, – продолжила я рассказ, вдруг возмечтав поскорее закончить эту беседу, отвести Рида в сторону и как-нибудь его утешить. Он казался таким... одеревеневшим, чужим, холодным, будто сам стал елью, одной из тех, что росли вокруг. Я просто не могла на это смотреть. – Использовать колдовство таким образом было умно, но он сам чуть не умер от холода. Мне пришлось извлечь тепло из своего воспоминания, чтобы его спасти...

– Что?! – Мадам Лабелль вскочила в полный рост и уставилась на меня сверху вниз, стиснув кулаки в таком знакомом жесте, что я застыла, глядя на это. – Глупая девчонка...

Я с вызовом вздернула нос.

– А вы бы предпочли, чтобы я позволила ему умереть?

– Нет, конечно! Но подобное безрассудство просто недопустимо, Луиза! Ты не хуже меня знаешь, как опасны игры с памятью...

– Знаю, – процедила я.

– А почему они опасны? – тихо спросил Рид.

Я обернулась к нему и так же тихо ответила:

– Память – это... нечто священное. Все пережитое нами формирует нашу личность – поскольку приобретенные черты важнее врожденных, – и если изменить нашу память о пережитом... нашу личность это тоже может изменить.

– Невозможно узнать наверняка, как измененное Лу воспоминание повлияло на ее ценности, взгляды и убеждения. – Мадам Лабелль раздраженно уселась на свой любимый пенёк. Тяжело вздохнув, она выпрямилась и сцепила руки, будто пытаясь сосредоточиться на чем-нибудь – чем угодно – кроме своего гнева. – Личность человека – очень сложная вещь. Некоторые верят, что наша природа – происхождение и наследуемые черты – влияют на нашу сущность независимо от того, каково нам приходится в жизни. Согласно этой философии, мы становимся теми, кем нам суждено стать от рождения. Многие ведьмы, в том числе Моргана, используют ее, чтобы оправдать свои отвратительные деяния. Это, конечно же, вздор.

Все глаза и уши в Яме обратились к мадам Лабелль. Даже Бо с любопытством вскинул голову.

Рид нахмурился.

– То есть... ты веришь, что воспитание важнее природы?

– Разумеется. Малейшие изменения памяти могут иметь последствия глубокие и при этом незримые. – Мадам Лабелль перевела взгляд на меня и едва заметно сощурилась. – Мне уже доводилось видеть, как происходило подобное.

Воцарилось неловкое молчание, и Ансель, будто по наитию, робко улыбнулся всем.

– Я и не знал, что колдовство – такая сложная наука.

– Твои знания о колдовстве вообще гроша ломаного не стоят, – огрызнулась мадам Лабелль.

Коко что-то рявкнула в ответ, в спор вступил и Бо. Я их не слушала. Рид коснулся ладонью моей поясницы, наклонился ко мне и шепнул:

– Не стоило тебе делать такое ради меня.

– Я ради тебя и не на такое способна.

Он отпрянул, услышав мой тон, и всмотрелся мне в глаза.

– О чем ты?

– Ни о чем. Не волнуйся. – Я погладила Рида по щеке и испытала необычайное облегчение, когда он не отстранился. – Что сделано, то сделано.

– Лу. – Он схватил меня за руку и мягко сжал ее, а затем отстранил от своего лица. Пусть вежливо, но Рид отверг мой жест, и у меня внутри все болезненно дрогнуло. – Скажи мне.

– Нет.

– Скажи.

– Нет.

Рид выдохнул через нос, и на лице его заиграли желваки.

– *Прошу тебя.*

Я посмотрела на него, размышляя. Коко и Бо все больше входили в раж. Зря я это, ох как зря.

– Отчасти ты и сам знаешь, – сказала я наконец. – Чтобы что-то получить, сначала нужно что-нибудь отдать. Поэтому, чтобы спасти тебя на берегу, я отдала тепло своего воспоминания. Отдала наше зрение за улучшенный слух и...

Честно говоря, мне хотелось солгать. Опять. Хотелось усмехнуться и сказать, что все будет хорошо, но скрывать мой поступок было довольно бессмысленно. Правила есть правила. Магия требует жертв. Природа – равновесия. Рид должен это усвоить, причем чем раньше, тем лучше, если мы в самом деле намерены выжить.

– И?... – поторопил меня Рид.

Я смело встретила его твердый взгляд.

– Я отдала несколько мгновений своей жизни за те мгновения, что мы находились в воде. Не смогла придумать, как иначе помочь нам дышать.

Услышав это, Рид отпрянул от меня, но тут мадам Лабелль вскочила на ноги, перекрывая Коко и Бо. Ансель с осязательной тревогой наблюдал, как вокруг воцаряется хаос.

– Я сказала, довольно! – Мадам Лабелль покраснелась еще больше и прямо-таки тряслась от гнева. Крутой нрав Рид явно унаследовал от нее. – Старухин клык вас побери, немедленно... прекратите вести себя как дети, иначе Белые дамы еще станцуют на ваших костях! – Она резко обернулась к нам с Ридом. – Вы уверены, что шассеры мертвы? Все?

Молчание Рида и без того служило ясным ответом, но мадам Лабелль сверлила нас взглядом, ожидая подтверждения. Я нахмурилась и сказала:

– Да. Их больше нет.

– Вот и отлично, – выплюнула она.

Рид все так же молчал. Он и виду не подал, что слышал ее жестокие слова. Я поняла: он прячется. Прячется от них, прячется от себя самого... И от меня тоже. Мадам Лабелль вытащила из-под корсажа три смятых листка пергамента и бросила нам. Я узнала почерк Коко – то были ее письма тетке с просьбами о помощи. А под последней незнакомая мне рука вывела резкий и немногословный отказ:

«Вашему охотнику здесь не рады».

Вот и все. Никаких других объяснений и любезностей, никаких условий и оговорок.

Похоже, Ля-Вуазен наконец дала нам ответ.

Я смяла последнее письмо в кулаке прежде, чем Рид успел его прочесть. В ушах у меня шумела кровь.

– Что ж, теперь все согласны, что пришла пора взглянуть в глаза чудовищам? – спросила мадам Лабелль. – Или мы будем и дальше жмуриться и надеяться на лучшее?

Мое раздражение из-за мадам Лабелль уже грозило перерасти в отвращение. И мне было совершенно неважно, что она – мать Рида. Я, конечно, не желала ей *смерти* как таковой, скорее... зуда. Да, точно. Вечного зуда где-нибудь пониже пояса, да такого, что никак не почесать. Достойное наказание для человека, который постоянно всем портит жизнь.

И тем не менее, несмотря на всю ее жестокость и бесчувственность, в глубине души я понимала: она права. Похищенные мгновения миновали.

Настало время двигаться дальше.

– Вчера вы говорили, нам нужны союзники.

Я крепко сжала пальцы Рида. Только так я могла утешить его сейчас. Когда Рид не стиснул мою руку в ответ, старая рана на сердце вскрылась снова. Горькие слова вырвались прежде, чем я смогла сдержать их:

– Кого мы вообще можем просить о помощи? Кровавые ведьмы определенно не за нас. Народ Бельтерры – тоже. Мы – ведьмы. Мы зло. Мы вешали их сестер, братьев и матерей на улице средь бела дня.

– Так поступала Моргана, – возразила Коко. – *Мы* ничего не делали.

– Но в том-то и суть, разве нет? Мы это допустили. – Я примолкла и тяжело вздохнула. – Я это допустила.

– Прекрати, – резко сказала Коко, качая головой. – Единственное твоё преступление – всего лишь желание жить.

– Это неважно. – Мадам Лабелль снова задумчиво уселась на свой пень. Щеки ее до сих пор розовели, но тон она милосердно понизила. Мои уши возрадовались этому. – Народ последует за своим королем.

– Вы совсем обезумели, если решили, что мой отец согласится вам помочь, – заявил Бо. – Он уже назначил награду за голову Лу.

Мадам Лабелль фыркнула.

– У нас с ним есть общий враг в лице Морганы. Возможно, он проявит сговорчивость бо́льшую, чем ты полагаешь.

Бо закатил глаза.

– Слушайте, я, конечно, понимаю, вы думаете, он до сих пор вас любит, но он...

– Не единственный наш потенциальный союзник, – перебила его мадам Лабелль. – Разумеется, наши шансы на успех будут заметно выше, если мы убедим короля Огюста примкнуть к нам – ведь командование над шассерами до назначения нового главы Церкви несомненно взял на себя именно он. Однако в мире есть и другие не менее могущественные фигуры. Лу-гару, к примеру, а также мелузины. Возможно, при благоприятных обстоятельствах даже Жозефина согласится нам помочь.

Коко расхохоталась.

– Если моя тетка отказалась даже просто *приютить* нас, поскольку с нами бывший шассер, с чего ты взяла, что она пожелает *заключить союз* с шассерами более чем настоящими? Оборотней и русалок, кстати, она тоже не слишком жалуется.

Рид моргнул – и только этим дал понять, что догадался о содержании письма Ля-Вуазен.

– Ерунда. – Мадам Лабелль покачала головой. – Нужно всего лишь доказать Жозефине, что союз с нами для нее будет выгоднее мелочной политики.

– «Мелочной политики»? – скривилась Коко. – От *политики* моей тетки зависит жизнь моего народа. Когда Белые дамы изгнали моих предков из Шато, и лу-гару, и мелузины не захотели им помочь. Но вы ведь и сами это знаете, правда? Белые дамы только о себе и думают. Кроме тебя, Лу, – добавила она.

– Я не обижаюсь.

Я подошла к ближайшему корню, взобралась на него, уселась и посмотрела на мадам Лабелль сверху вниз. Ноги у меня, правда, не доставали до земли, поэтому вид получился чуть менее грозный, чем хотелось бы.

– Раз уж мы решили помечтать, может, и Водвоса с Тараском в список союзников запишем? Уверена, мифический человек-козел и дракон смогут разбавить живописным разнообразием грядущую великую битву, которую вы тут уже сочинили.

– Я ничего не сочиняю, Луиза. Ты не хуже меня знаешь, что твоя мать, пусть и не дает о себе знать, определенно не теряет времени даром. Она замышляет недоброе, и мы должны быть к этому готовы.

– Никакой битвы не будет. – Я делано беззаботно поболтала ногами, хотя по коже у меня бежали мурашки. – Уж точно не в привычном нам смысле этого слова. Это просто не в духе моей матери. Она анархистка, а не солдат. Она нападает из тени, прячется в толпе. Так она и рождает страх – в хаосе. Она не станет атаковать в открытую, тем самым давая своим врагам повод объединиться.

– И тем не менее, – холодно сказала мадам Лабелль. – Нас лишь шестеро, а Белых дам – множество. Без союзников нам никак не обойтись.

– Хорошо, давайте допустим, что все причастные волшебным образом сомкнут ряды. – Я болтала ногами все быстрее. – Король, шассеры, Алые дамы, лу-гару и мелузины – все действуют заодно как большая дружная семья. Что будет потом, когда мы победим Моргану? Прямо над ее трупом продолжим убивать друг друга? Мы ведь *враги*, Элен. Оборотни с русалками не станут закадычными приятелями на поле боя. Охотники не забудут все, чему их учили веками, и не подружатся с ведьмами. Обида слишком стара и слишком велика для каждого. Пластырем не исцелить ни одну болезнь.

– Так дайте им лекарство, – сказал Ансель тихо и посмотрел мне в глаза. Его взгляд был не по годам тверд. – Ты же ведьма. А Рид – охотник.

– Больше нет, – ответил Рид. Тихо и ровно.

– Но раньше был, – настаивал Ансель. – Когда ты полюбил Лу, вы еще были врагами.

– Он ведь не знал, что я его враг... – начала я.

– Но ты знала, что он – твой. – Карие, как ви́ски, глаза Анселя смотрели то на Рида, то на меня. – Что бы это изменило?

«Неважно, что ты ведьма», – сказал мне Рид после Модранита. Он взял меня за руки, а в глазах его блестели слезы. Сколько же чувств тогда было в них. Сколько любви. «Ты так особенному видишь мир... Я тоже хочу так его видеть».

Затаив дыхание, я ждала, что Рид согласится с Анселем, но он молчал. Вместо него заговорила мадам Лабелль:

– Полагаю, тот же подход поможет и с остальными. Если объединить их против общего врага, заставить действовать сообща, возможно, удастся помочь им иначе взглянуть друг на друга. Быть может, именно этот шаг нам и нужен.

– Ну вот, а вы еще меня бестолочью называли.

Я насмешливо махнула ногой, и с нее слетел сапог, так и не зашнурованный после ручья. Из него выпал клочок бумаги. Нахмурившись, я соскочила на землю и подняла его. В отличие от дешевого перепачканного кровью пергамента, который Коко стащила в деревне, это письмо было написано на чистой свежей бумаге, и пахло оно... эвкалиптом. Кровь застыла у меня в жилах.

*Прелестная куколка, хрупкий фарфор
И локоны ночи черней,
Слезам зелеными плачет одна
В гробу взаперти много дней*

Коко подошла ко мне и наклонилась ближе, чтобы прочесть послание.

– Это не от моей тетки.

Листок выскользнул из моих онемевших пальцев.

Ансель поднял его и тоже прочитал содержимое.

– Не знал, что ты любишь поэзию. – Когда он увидел мой взгляд, его улыбка померкла. – Красиво. Хоть и печально.

Ансель хотел отдать записку мне, но пальцы мне все еще не повиновались. Рид взял ее сам.

– Ты ведь этого не писала, да? – спросил он, но это был не вопрос.

Я все равно молча покачала головой.

Секунду Рид смотрел на меня, а затем снова перевел взгляд на записку.

– Она была в твоём сапоге. Кто бы ни написал это, подложил он ее явно там, у ручья. – Он нахмурился еще больше и отдал записку мадам Лабелль, которая уже нетерпеливо потянулась взять ее. – Думаешь, шассер мог...

– Нет. – Неверие, парализовавшее меня, наконец вырвалось на волю жаркой волной страха. Не слушая возражений мадам Лабелль, я выхватила у нее листок и сунула обратно в сапог. – Это была Моргана.

Самый разумный план действий

Рид

В лагере воцарилось зловещее молчание. Все смотрели на Лу. Она сделала глубокий вдох, чтобы собраться с духом, и наконец заговорила, озвучив наши мысли:

– Как она нас нашла?

Вопрос был хороший. Но неверный.

Я смотрел на костер и представлял, как бледная рука Морганы витиеватым элегантным почерком пишет эту записку, а вместе с ней – и наш смертный приговор.

Я должен был принять решение.

– Вы же сами ушли из лагеря! – рявкнула мадам Лабелль. – Чтобы *искупаться*, подумать только.

– Отсюда много миль до Шато ле Блан, – возразила Лу, и я почувствовал, что ей с трудом удастся говорить ровно и спокойно. – Даже если вода смыла защиту Коко, даже если деревья нащептали Моргане, где мы, так быстро сюда добраться она бы не успела. Она ведь не может *летать*.

– Разумеется, успела бы. И ты бы успела, будь на то веская причина. Вопрос лишь в нужном узоре, который следует найти.

– А может быть, она *уже* была здесь и наблюдала за нами. Может, она все это время за нами следила.

– Это невозможно.

Я поднял взгляд и увидел, как потемнели глаза мадам Лабелль.

– Я сама заколдовала эту яму.

– Так или иначе, – сказала Коко, подбоченившись, – почему она просто не похитила Лу из ручья?

Я снова обратил взгляд к огню. Тоже хороший вопрос, даже лучше. Но все еще неверный.

Мне снова вспомнились слова Морганы. «Слезам зелеными плачет одна в гробу заперти много дней». Ответ был прямо у нас под носом. Я тяжело сглотнул, размышляя о главном слове. «Гроб». Конечно же, в этом и был замысел Морганы. Скорбь обрушилась на ворота моей крепости, но я сдержал ее натиск, отмахнулся от осколка тоски, который грозил вот-вот пронзить мне сердце.

Медленно, размеренно я разложил все свои мысли и чувства по местам.

– Не знаю, – ответила Лу с досадой и стала расхаживать туда-сюда. – Это так... так на нее похоже. И пока мы не узнаем, как Моргана меня нашла – и чего она хочет, – здесь оставаться

опасно. – Она резко обернулась к мадам Лабелль. – Вы правы. Нам нужно немедленно уходить. Сегодня же.

Она не ошибалась.

– Но Моргана уже знает, что мы здесь, – сказала Коко. – Что помешает ей просто последовать за нами?

Лу двинулась дальше, не сводя взгляд с тропы, которую протоптала в земле.

– Она попытается. Конечно же, попытается. Но к игре, которую она затеяла, еще не все готово – иначе она бы уже меня забрала. И до тех пор у нас есть время, чтобы сбить ее со следа.

– Восхитительно. – Бо закатил глаза и плюхнулся на свой спальник. – Над нашими головами висит невидимый топор.

Я глубоко вздохнул.

– Не такой уж невидимый.

Все глаза на поляне обратились ко мне. Я заколебался. Я еще не решил, что делать. Если я прав – а я был в этом уверен, – многие погибнут, если мы останемся в стороне. А если не останемся... то направимся напрямиком в ловушку. И тогда Лу...

Я посмотрел на нее, и сердце у меня сжалось.

Лу окажется под угрозой.

– Господи боже, – воскликнул Бо. – Сейчас не время играть в мрачного героя. Выкладывай живей!

– В записке все сказано. – Указав на угли костра, я пожал плечами. Получилось скорее нервно, чем хладнокровно. – Плач, слезы, гроб. Речь о похоронах. – Я многозначительно посмотрел на Лу, и она ахнула.

– Похороны Архиепископа!

Я кивнул.

– Она заманивает нас туда.

Лу нахмурилась и качнула головой.

– Но...

– Это лишь часть послания, – договорил за нее Ансель. – Что значит остальное?

Я усилием воли заставил себя сохранять спокойствие. Собранность. Пустоту, защищенную стенами моей крепости от бури чувств, бушующей снаружи.

– Не знаю. Но что бы она ни задумала, это связано с его погребением, я в этом уверен.

Если все верно, готов ли я рискнуть жизнью Лу ради спасения сотен, быть может, тысяч невинных людей? И если я поступлю так, то буду ли хоть чем-нибудь лучше Морганы? Пожертвовать одним человеком, чтобы спасти многих, – это звучало разумно, но все равно по некой причине неправильно. Даже если бы речь шла не о Лу. Цель не оправдывала средств.

И все же... из присутствующих именно я знал Моргану лучше всех. Лучше, чем знала ее мадам Лабелль и даже Лу. Они знали Госпожу Ведьм женщиной. Матерью. Подругой. Я же знал ее как врага. Я изучал ее действия и планы, предугадывал ее атаки – таков был долг моей службы. Последние несколько лет своей жизни я все лучше и лучше узнавал ее повадки. И что бы она ни задумала на похороны Архиепископа, от этого замысла разило смертью.

Но я не мог подвергать угрозе жизнь Лу. Просто не мог. Если меня чему и научили те немногие страшные мгновения в Модранит – когда в ее горле зияла открытая рана, когда ее кровь лилась в жертвенную чашу, – так это что жизнь без Лу мне не нужна. Да и не то чтобы это вообще было важно. Если умрет Лу, умру и я. В буквальном смысле, равно как и десятки других людей, в том числе Бо и... остальные.

Моя семья.

Я содрогнулся от мысли об этом.

Все те люди, которых Моргана надеялась погубить, уже не были для меня близкими чужаками. Они стали братьями и сестрами, которых я пока что не знал. Братьями и сестрами, о

которых я пока что не смел и мечтать, не смел даже думать. Они были где-то там, в этом мире. И им грозила опасность. Я не мог просто бросить их. Моргана, по сути, сообщила нам, где скоро окажется. Если там смогу оказаться и я, если сумею как-нибудь ее остановить, отрезать гадюке голову и спасти свою семью и Лу, если не позволю ей осквернить погребение моего патриарха...

Я слишком углубился в мысль и не заметил, как тихо стало вокруг.

– Ты притягиваешь ответ за уши, – сказал наконец Бо, качая головой. – Строишь выводы на пустом месте. Ты хочешь пойти на похороны, я понимаю, но это не значит, что и Моргана там будет.

– Я хочу не пойти на похороны, а помешать ее планам.

– Мы знать не знаем, что она планирует.

Я потряс головой.

– Знаем. Она не станет докладывать нам все до мелочей, но угроза ясна...

– Рид, дорогой, – мягко перебила меня мадам Лабелль. – Я знаю, ты очень любил Архиепископа, и возможно, тебе нужно туда пойти, примириться с потерей, но сейчас не время бездумно бросаться...

– Вовсе не бездумно.

Мои руки сами собой сжались в кулаки, ровно дышать удавалось с трудом. В груди стало тесно. Слишком тесно. Разумеется, им не понять. Дело было вовсе не во мне. И не в... примирении с потерей. Все дело было в правосудии. И если... если с этого начнется мое искупление, если я смогу проститься...

Осколок тоски проник глубже. Стало больно.

Я все еще смогу защитить Лу. Смогу уберечь ее.

– Ты ведь сама хотела найти союзников, – продолжал я, уже решительнее. – Так скажи, как нам это сделать. Объясни, как убедить оборотней и русалок сражаться плечом к плечу друг с другом и с шассерами. Все может получиться. И тогда у нас хватит сил дать Моргане отпор, когда она нанесет удар.

Все переглянулись. Многозначительно и с сомнением. Все, кроме Лу. Она смотрела на меня очень странным взглядом, и мне это не понравилось. Я не мог прочесть выражение ее лица, а прочесть Лу мне удавалось всегда. Этот взгляд... напомнил мне о временах, когда Лу скрывала от меня свои секреты. Но между нами больше не было тайн. Она ведь мне это обещала.

– А мы... – Ансель потер затылок, глядя себе под ноги. – Мы вообще знаем точно, что похороны состоятся?

– И где они состоятся? – добавил Бо.

– И когда? – вставила Коко.

– Выясним, – настаивал я. – И будем готовы.

Бо вздохнул.

– Рид, не глупи. Если ты прав насчет записки – а я в этом сомневаюсь, кстати, – мы угодим прямо Моргане в лапы. Именно этого она и хочет...

Абсалон возник у меня в ногах в тот самый миг, когда я открыл рот, чтобы возразить – и наконец вспылить, – но меня перебила Лу.

– Верно. Именно этого она и хочет, – тихо и задумчиво проговорила она, указав на нас. – Именно в такие игры она и любит играть. Жестоко обходиться с людьми, управлять ими, сеять разнь. Она ждет ответа. Она его жаждет. И самый разумный план действий сейчас – держаться от нее подальше.

Последнее она сказала мне.

– Слава Девичьему цветку. – Мадам Лабелль с облегчением выдохнула, утерла лоб и улыбнулась Лу, что случилось нечасто. – Я знала, что ты не прожила бы так долго, не имея хоть

капли здравомыслия. *Если* похороны в самом деле состоятся и Моргана в самом деле планирует их расстроить, времени на подготовку у нас не будет. Ехать по дороге долго и опасно – нас ведь ищет все королевство. До владений стаи Жеводанского зверя почти две недели пути, а до обители русалок в Лё-Меланколик – по меньшей мере неделя в противоположную сторону. – Она снова встревоженно утерла лоб. – Кроме того, и там, и там нам потребуется провести *несколько недель*, чтобы укрепить со всеми необходимые отношения. Мне жаль, Рид, но мы просто не успеем всюду.

Лу смотрела на меня и ждала.

Я ее не подвел.

– Прошу тебя, Лу, – шепнул я, подступая ближе. – Самый разумный план действий не всегда самый верный. Это ведь еще недавно была моя работа – я всю жизнь боролся с Морганой и Белыми дамами. Я знаю, как они действуют. Ты верно сказала – Моргана сеет хаос. Подумай сама. В день, когда мы встретились, она совершила покушение на короля на параде в честь его сына. – Вспомнив об этом, я обернулся к Бо. – Она напала на собор во время празднования дня Святого Николая. Как и всегда – прямо посреди толпы. Так она защищается. Так она ускользает. – Я взял Лу за руку и с удивлением ощутил, как дрожат ее пальцы. – На похороны Архиепископа соберется толпа, которой во всем королевстве прежде не бывало. Люди со всего мира съедутся в Цезарин, чтобы почтить его память. Хаос, который устроит Моргана, будет разрушителен. А у нас есть возможность ее остановить.

– А если никто не захочет помочь нам бороться с ней?

– Захочет. – Я ощутил укол вины, но отмахнулся от него. Пока что мне нужно было лишь согласие Лу. О последнем я расскажу, когда на кону не будет людских жизней. – Кровавые ведьмы и русалки нам не нужны. Земли оборотней не так далеко от Цезарина – день-два езды, не больше. Мы обратимся к королю Огюсту и Жево... К Блезу. Сделаем все необходимое, чтобы их убедить. Ты сама сказала – Моргана не солдат. И не станет сражаться, если силы будут равны. – Мои мысли уже неслись полным ходом, ища разные пути к цели. – Она не будет ожидать, что шассеры вступят в альянс с оборотнями. Мы подстережем ее в засаде... Нет. Отвлечем внимание с помощью шассеров и выманим ее из города, где будут поджидать оборотни. Все может получиться, – повторил я, теперь уже громче.

– Рид. Ты ведь знаешь: это ловушка.

– Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Я не за себя волнуюсь. – Лу коснулась ладонью моей щеки. – Моя мать грозила скормить мне твое сердце, если я снова сбегу.

– Этого не будет.

– Да. Не будет.

Она опустила руку, и все выжидательно застыли. Никто не смел даже дышать. В это мгновение в лагере что-то неуловимо переменялось. Не сговариваясь, мы все посмотрели на Лу, ожидая ее решения. Не на мадам Лабелль. На Лу. Я уставился на нее, чувствуя, как на меня снисходит озарение. Она – дочь Госпожи Ведьм. Я и прежде знал это. Разумеется, знал. Но до нынешних пор не понимал, что это значит. Если все пойдет по плану... Лу унаследует корону матери. И титул. И власть.

Лу станет королевой.

Лу станет Девой, Матерью и Старухой.

Она вздрогнула, будто и сама в тот же миг это поняла. Широко распахнула глаза и скривила губы. Выходит, это открытие ее не порадовало. Явно чувствуя себя не в своей тарелке, Лу посмотрела на Коко, а та в ответ коротко кивнула.

– Ладно. – Лу присела и поманила пальцем кота, который вился у нас в ногах. – Абсалон, можешь доставить послание Жозефине Монвуазен? – Она виновато посмотрела на Коко. – Это письмо должно быть от меня.

– Что ты делаешь? – растерянно спросил я, хватая ее за руку и поднимая в полный рост. – Нам ведь нужно обратиться к Огюсту и Блезу...

– Слушай, шасс. – Лу похлопала меня по груди, а потом отстранилась и снова присела рядом с Абсаломом. – Если уж мы решились на эту затею, нам потребуется вся возможная помощь. Русалки и впрямь слишком далеко, но вот кровавые ведьмы... Может, твоя мать и права. Может, при благоприятных обстоятельствах Жозефина действительно проявит сговорчивость. – Она добавила, обращаясь к Коко: – Говоришь, лагерь крови близко?

Коко кивнула.

– Обычно в это время года они обитают здесь.

Лу кивнула и что-то шепнула Абсалону. Я ощутил, как внутри зреет подозрение.

– Ты же говорила, что бывшего шассера они принимать не станут, – сказал я.

Коко выразительно вскинула бровь и усмехнулась.

– Не станут.

– Тогда как?..

Кот исчез в облаке черного дыма. Лу медленно поднялась и отряхнула с колен грязь.

– Рид, нам придется разделиться.

Цвет волос

Лу

– Белое вино и мед, затем смесь корней чистотела с оливковой мареной, маслом семян тмина, опилками и щепоткой шафрана. – Мадам Лабелль бережно разложила пузырьки на камне, из которого мы сделали своего рода стол. – Если оставить все это настаиваться в течение целого солнечного цикла, смесь окрасит твои локоны в золотистый цвет.

Я ошалело уставилась на множество склянок.

– У нас нет столько времени.

Мадам Лабелль посмотрела мне в глаза.

– *Разумеется*, но, возможно, получится... ускорить процесс с помощью определенных ингредиентов.

Мы разом оглянулись на Рида, который в одиночестве сидел в противоположном углу лагеря, точил балисарду и не желал ни с кем разговаривать.

– Нет.

Я потрясла головой, отодвигая пузырьки подальше. Вся суть этой безнадежной затеи заключалась именно в том, чтобы замаскировать меня *без* помощи колдовства. После всего, что произошло с Ридом у ручья... не стоило понапрасну дразнить гусей.

– Неужели не нашлось париков?

Мадам Лабелль фыркнула и снова потянулась к сумке.

– Представь себе, Луиза, как это ни удивительно, в крохотной крестьянской деревушке Сен-Луар одежных лавок нет. – Она шлепнула на камень еще одну склянку. Внутри нее что-то *шевелилось*. – Быть может, ты предпочтешь баночку маринованных пиявок? Я слышала, если оставить их в волосах подольше в солнечный денек, насыщенный черный цвет обеспечен.

Пиявки? Мы с Коко в ужасе переглянулись.

– Мерзость, – заявила она.

– Вот уж точно.

– Тогда, вероятно, подойдет вот это? – Мадам Лабелль выудила из сумки еще два пузырька и бросила по одному Коко и мне – или скорее в Коко и в меня. Я успела поймать свой прежде, чем он сломал бы мне нос. – Паста из оксида свинца и гашеной извести сделает твои волосы черными как ночь. Только будь осторожна, продавец сообщил мне, что побочные эффекты бывают довольно неприятными.

Неприятней ее ухмылочки они определенно быть не могли.

Бо, который копался в сумке Коко, застыл.

– Что за побочные эффекты?

– В основном смерть. Совершенно ничего страшного. – Мадам Лабелль пожала плечами, так и источая сарказм. Я его не оценила. – Это, безусловно, гораздо безопаснее, нежели *колдовство*.

Сощурившись, я присела, чтобы самой обыскать ее сумку.

– Это просто мера предосторожности, ясно вам? Я *пытаюсь* проявить участие к Риду. Он с колдовством сейчас не слишком в ладах.

– А когда-то разве был в ладах? – пробурчал Ансель.

Тоже верно.

– Можно ли винить его за это?

Я наугад стала доставать пузырьки, изучать этикетки и отбрасывать их в сторону. Мадам Лабелль, видимо, всю аптеку в деревне скупила.

– Он всего дважды использовал колдовство, и в обоих случаях погибли люди. Ему просто нужно... время, чтобы примириться с этим. И с самим собой. В конце концов у него получится.

– Точно ли получится? – Коко с сомнением изогнула бровь и снова смерила Рида долгим взглядом. – Ведь... матагот неспроста к нам явился.

Упомянутый матагот в этот самый миг лежал на нижних ветвях ели и смотрел на нас желтыми глазами.

Мадам Лабелль вырвала у меня свою сумку и одним движением сердито сгребла все пузырьки обратно.

– Мы не знаем наверняка, что матагот здесь именно из-за Рида. Мой сын явно не единственная беспокойная душа в этом лагере.

Она посмотрела на меня и сунула мне ленту. Та была толще прежней, которую я когда-то носила, но все же... черный атлас вряд ли скроет мой новый шрам.

– Уже дважды твоя мать пыталась тебя убить. Откуда нам знать, быть может, Абсалон здесь как раз из-за *тебя*.

– Из-за меня? – фыркнула я, приподнимая волосы и позволяя Коко завязать ленту у меня на горле. – Чушь. Со мной все хорошо.

– Ты с ума сошла, если вздумала, что лента и краска для волос спрячут тебя от Морганы.

– Не от Морганы. Она ведь и так уже может быть здесь и наблюдать за нами. – Я на всякий случай подняла над головой средний палец. – Но вот от всех, кто увидит эти чертовы объявления о розыске, краска и лента могут меня укрыть. А может, и от шассеров тоже.

Завязав бант, Коко коснулась моего локтя, и я отпустила волосы. Тяжелой густой волной они упали мне на плечи.

– Да уж, на этих объявлениях прямо вылитая ты, – сказала Коко насмешливо. – А уж с какой точностью художник изобразил твой шрам...

Я невольно фыркнула и обернулась к ней.

– На отросток какой-то получилось похоже.

– Весьма большой.

– И весьма *фаллический*.

Мы расхиликались, а мадам Лабелль рассердилась еще больше. Бормоча что-то про детей, она направилась к Риду. Ну и до свидания. Мы с Коко только пуще захохотали. Ансель пытался посмеяться с нами, но улыбка у него вышла довольно натянутая. Мои подозрения подтвердились, когда он спросил:

– Как думаете, в лагере Ля-Вуазен нас никто не тронет?

Коко ответила мгновенно:

– Никто.

– А остальным разве ничего не будет угрожать?

Посерьезнев, Коко посмотрела на Бо, который украдкой снова стал копаться в ее сумке. Она шлепнула его по руке, но промолчала.

– Не нравится мне это, – продолжал Ансель, переминаясь с ноги на ногу и заметно волнуясь все больше. – Если магия мадам Лабелль не смогла спрятать нас здесь, их на дороге она тоже не спрячет. – Он с мольбой в глазах повернулся ко мне. – Ты сказала, что Моргана грозилась вырезать Риду сердце. Когда мы разделимся, она может его похитить и заманить тебя обратно в Шато.

Рид час назад сказал ровно то же самое – точнее, даже рявкнул.

Оказалось, идея заполучить союзников для битвы с Морганой на похоронах Архиепископа пришлась ему по вкусу гораздо меньше, когда выяснилось, что нам придется делиться. Но чтобы эта безумная затея сработала, ведьмы крови были нам нужны, а Ля-Вуазен четко дала понять, что в ее лагере Риду не место. Ведьмы крови не могли похвалиться большим числом, но репутация их была весьма устрашающей. Настолько, что Моргана каждый год отказывала им в прощении вернуться в Шато.

Я надеялась, что это заставит их хотя бы задуматься над тем, чтобы восстать против нее.

По крайней мере, Ля-Вуазен готова была нас выслушать. Абсалон почти мгновенно вернулся с ее согласием. Если мы придем без Рида, в лагерь она нас пустит. Что ж, и на том спасибо. В полночь мы с Коко и Анселем должны были встретиться с ней у Сен-Луара и отправиться в лагерь крови. Я знала, что рядом с Ля-Вуазен мы более-менее будем в безопасности, но вот остальные...

– Я не знаю. – Я беспомощно пожала плечами, и Коко поджала губы. – Остается только надеяться, что колдовства Элен окажется достаточно. Кровь Коко тоже будет у них при себе. А если станет совсем худо... У Рида есть балисарда. Он сможет себя защитить.

– Этого мало, – пробормотала Коко.

– Я знаю.

Но больше сказать было нечего. Если Рид, мадам Лабелль и Бо сумеют пережить встречу с шассерами, Белыми дамами, головорезами и бандитами с Ля-Ривьер-де-Дан – единственной дороги через лес, названной так в честь зубов мертвецов, которых на ней скопилось немало, – на земле оборотней опасность возрастет десятикратно.

Сложно было сказать, кого лу-гару ненавидели больше – охотников, ведьм или принцев.

И все же Рид знал эти земли лучше любого из нас. И также лучше всех нас он знал Блеза. Я могла лишь надеяться, что дипломатические навыки Бо и мадам Лабелль помогут в деле. Судя по тому, что я слышала о Блезе – а слышала я о нем не так уж много, – правил он справедливо. Может быть, он всех нас еще удивит.

Так или иначе, у нас не хватало времени, чтобы посетить оба лагеря вместе.

Вечером мы собрались отправиться на разведку в местную пивнушку, чтобы выяснить точную дату похорон Архиепископа. Если повезет, мы успеем встретиться в Цезарине раньше и вместе обратиться к королю Огюсту. Мадам Лабелль настаивала, что его можно убедить сотрудничать с нами. Что ж, доберемся до его замка – узнаем.

Как и Анселю, эта затея мне не нравилась. Вся, от начала до конца. Слишком мало времени, слишком много дел и недостающих кусочков мозаики. Остальное мы сложим вместе вечером, а пока...

– Ага! – торжествуя, Бо вытащил из сумки Коко два пузырька.

У нее с собой было много разномастных ингредиентов для кровной магии – некоторые узнаваемые, вроде пряностей и трав, а некоторые нет – например, серый порошок и прозрачная жидкость, которые держал в руках Бо.

– Древесная зола и уксус, – объяснил он.

Когда мы непонимающе уставились на Бо, он нетерпеливо вздохнул.

– Для твоих волос. Ты ведь все еще хочешь покрасить их по старинке, да?

– А. – Мои руки сами по себе взметнулись вверх, прикрывая волосы, будто пытаюсь защитить их от Бо. – Да... да, конечно.

Коко ободряюще стиснула мое плечо, сверля Бо яростным взглядом.

– А ты точно знаешь, что делаешь?

– Я многим своим пассиям помогал красить волосы, Козетта. Собственно говоря, как раз до тебя была у меня пышная блондинка по имени Эвонна... – Он наклонился ближе и подмигнул нам. – Не от природы блондинка, конечно, но другие ее природные дарования с лихвой восполняли этот изъян.

Когда Коко сощурилась и до боли крепко впила пальцами мне в плечо, Бо ухмыльнулся.

– В чем дело, *ma chatte*³? Неужто ты... ревнуешь?

– Ах ты...

Морщась, я похлопала ее по руке.

– Не волнуйся, когда мы закончим, я его для тебя расчлению.

– Медленно?

– Кусочек за кусочком.

Коко удовлетворенно кивнула и направилась к мадам Лабелль, оставив меня с Анселем и Бо. Между нами повисло неловкое молчание, и я нарушила его, нервно махнув рукой:

– Ты и *правда* знаешь, что делаешь, да?

Бо прошелся пальцами по моим волосам. Без Коко он как будто бы сник и теперь смотрел на золу и уксус с опаской.

– Ни разу в жизни я не утверждал ни о чем подобного.

У меня внутри все сжалось.

– Но ты сказал...

– Я сказал, что *помогал* своей пассии красить волосы, и то лишь чтобы позлить Козетту. На самом деле я *наблюдал*, как пассия красит себе волосы, а сам в это время, обнаженный, кормил ее клубникой.

– Если испортишь мне волосы, я с тебя кожу сниму и вместо плаща ее буду носить.

Он вскинул бровь и оглядел этикетки пузырьков.

– Принято.

Честное слово, если в самое ближайшее время обнаженная пассия не начнет кормить клубникой *меня*, я весь мир сожгу к чертям.

Налив и насыпав в ступку Коко поровну золы и уксуса, Бо стал с надеждой толочь эту смесь, пока в итоге через несколько секунд не получилась зловещая серая каша. Ансель с тревогой смотрел на нее.

– А как бы ты это сделала? Если бы наколдовала себе другой цвет волос?

Бо разделил мои волосы на пряди, и у меня вспотели ладони.

– Это много от чего зависит. – Я поискала узор, и несколько золотых завитков потянулись мне навстречу. Коснувшись одного, я наблюдала, как он змеей обвивается вокруг моей руки. – Мне нужно было бы изменить что-то в себе снаружи. Я могла бы для этого изменить что-нибудь внутри. Или – в зависимости от цвета – могла бы извлечь оттенок, тон или насыщенность из нынешнего цвета моих волос и что-нибудь с ним сделать. Например, затемнить с его помощью глаза.

Ансель покосился на Рида.

– Не надо. Мне кажется, Риду нравятся твои глаза. – Будто испугавшись, что обидел меня, он быстро добавил: – И мне тоже. Они красивые.

Я усмехнулась, и тугой узел волнения у меня внутри немного ослаб.

– Спасибо, Ансель.

---

³ Киска моя (*фр.*).

Бо посмотрел на меня, наклонившись через плечо.

– Ты готова?

Кивнув, я закрыла глаза, и Бо взялся красить первую прядь.

– А почему тебе так интересно? – спросила я Анселя.

– Просто так, – быстро ответил он.

– Ансель. – Я приоткрыла один глаз и смерила его суровым взглядом. – Говори давай.

Не глядя на меня, Ансель толкнул носком сосновую шишку. Прошло несколько секунд. Потом еще несколько. Я уже открыла рот, собираясь его поторопить, но тут он наконец сказал:

– Я почти не помню свою мать.

Мой рот со щелчком захлопнулся.

Рука Бо застыла у меня в волосах.

– Они с отцом погибли в пожаре, когда мне было три года. Порой мне кажется... – Ансель быстро посмотрел на Бо, и тот поспешно продолжил намазывать серую пасту мне на волосы. Ансель с облегчением снова завозился с сосновой шишкой. – Порой мне кажется, что я помню ее смех... или его улыбку. Знаю, это глупо. – Он так самоуничижительно хохотнул, что мне стало тошно. – Я даже не знаю их имен. Слишком уж боялся спросить об этом отца Фому. Он однажды сказал, что мама была благонравной богобоязненной женщиной, но как знать, вдруг она была ведьмой. – Ансель замялся, тяжело сглотнул и наконец посмотрел мне в глаза. – Совсем как... как мать Рида. И как ты.

При виде надежды в его глазах у меня сжалось сердце. Откуда-то я знала, на что он намекает. Знала, куда ведет наш разговор, и знала, что он хочет – что ему *нужно* – от меня услышать.

Как же жаль было разочаровывать его.

Когда я промолчала, Ансель сник, но все равно упорно продолжал:

– И если так, может быть, может... мне тоже подвластно колдовство. Это ведь возможно.

– Ансель...

Я взяла его за руку, размышляя над этим. Если он прожил с родителями – причем и с отцом тоже – до трех лет, очень маловероятно, что его мать была Белой дамой. Да, она могла жить не в Шато, как и многие ведьмы, но даже они очень редко оставляли сыновей у себя. Их считали бременем, неспособным унаследовать колдовство матерей и внести вклад в родовое наследие.

Я невольно посмотрела на Рида. Короткими злыми ударами он точил балисарду камнем.

Как же сильно мы ошибались.

– Это возможно, – повторил Ансель, вздернув нос в несвойственном ему упрямстве. – Ты говорила, ведьмы крови не бросают своих сыновей.

– Ведьмы крови не живут в Цезарине. Они обитают в своих ковенах.

– Коко – нет.

– Коко – исключение.

– Может, и я тоже.

– С чего вдруг все это, Ансель?

– Я хочу научиться сражаться, Лу. Хочу изучать колдовство. Ты могла бы научить меня и тому, и другому.

– Вряд ли я тот человек, который...

– Нас впереди ждет опасность, верно? – Он не стал ждать от меня подтверждения очевидного и продолжил: – Вы с Коко жили на улице. Вы умеете выживать, вы обе сильны. Рид учился сражаться, у него есть навыки борьбы и балисарда. У мадам Лабелль есть колдовство, и даже Бо додумался, как отвлечь ведьм на Модранит.

Бо фыркнул.

– Вот спасибо.

Ансель не обратил на него внимания. Плечи его поникли.

– А от меня в той схватке не было никакого толку. И в лагере крови тоже не будет. Я просто никчемный.

Я нахмурилась.

– Не говори о себе так.

– Почему? Это правда.

– Вовсе нет. – Я сжала его ладонь и подалась ближе. – Я понимаю, тебе кажется, что ты должен заслужить место среди нас, но ты не должен. Это место уже у тебя есть. Если твоя мать была ведьмой – пусть, но даже если нет... – Он вырвал руку, и я вздохнула, мечтая отрезать себе язык. Может, хоть тогда не придется так часто жалеть о сказанном. – Ты вовсе не никчемный, Ансель. Никогда не думай о себе так.

– Мне уже до смерти надоело, что всем приходится меня защищать. Я хочу для разнообразия сам себя защитить или даже...

Я нахмурилась сильнее, и Ансель вздохнул, спрятал лицо в ладонях и потер глаза.

– Я просто хочу приносить пользу. Не хочу больше быть неуклюжим дурачком. Неужели я прошу о многом? Я просто... не хочу быть обузой.

– Никто не говорил, что ты неуклюжий дурачок...

– Лу. – Он посмотрел на меня покрасневшими глазами. Посмотрел с мольбой. – Помоги мне. Пожалуйста.

Я уставилась на него.

Мужчинам в моей жизни пора бы уже перестать говорить мне это. За этим словом всегда следовала катастрофа. От самой мысли о том, чтобы изменить в Анселе хоть что-нибудь, сделать его жестче, научить сражаться и убивать, мне становилось тошно. Но если ему было неуютно в собственной шкуре, если я могла хоть как-то ему помочь...

Я могла бы научить его драться, защищать себя клинком. Никакого вреда – и горького разочарования – от этого не будет. Что до уроков колдовства, можно просто... откладывать их. До бесконечности. И тогда он никогда не почувствует себя неполноценным в этом отношении.

– Конечно, я тебе помогу, – сказала я наконец. – Если ты правда этого хочешь.

На его лице расцвела такая светлая улыбка, что даже солнце меркло рядом с ней.

– Правда хочу. Спасибо, Лу.

– Будет весело, – проворчал Бо.

Я ткнула его локтем, мечтая поскорее сменить тему.

– Ну как там получается?

Он поднял липкую прядь и сморщил нос.

– Сложно сказать. Как я понимаю, чем дольше держать, тем насыщенней будет цвет.

– А как долго держала Эвонна?

– Еще бы я знал.

Полчаса спустя, после того как Бо закончил покрывать пастой каждую прядь, Ансель покинул нас и направился к Коко. Картинно вздохнув, Бо рухнул наземь напротив меня, совершенно не боясь перепачкать бархатные штаны, и посмотрел Анселю вслед.

– А я ведь был совершенно не прочь презирать этого болвана...

– Он не...

– Но, *конечно же*, он сиротка, который совсем себя не ценит, – продолжал Бо. – Кто-то должен сжечь дотла эту чертову Башню. Желательно вместе с шассерами.

Я ощутила где-то в области шеи странное тепло.

– Ну не знаю. По крайней мере, шассеры стали для него хоть какой-то семьей. Подарили ему дом. Я жила без того и другого и могу с уверенностью сказать, что такой парнишка, как Ансель, без всего этого не протянул бы долго.

– Меня обманывает слух, или ты в самом деле говоришь о шассерах *что-то хорошее*?

– Разумеется, нет... – Я осеклась, изумившись тому, что он прав, и неверяще замотала головой. – Старухин зуб меня побери, пора прекращать водиться с Анселем. Он кошмарно на меня влияет.

Бо фыркнул.

– «Старухин зуб»?

– Ну знаешь... – Я пожала плечами, чувствуя, как неприятное тепло расплзается по коже головы. И становится с каждой секундой все жарче. – Это про выпавшие клыки Старухи. – Бо недоуменно посмотрел на меня, и я объяснила: – Женщина обретает мудрость, когда теряет зубы.

Бо расхохотался, но вот мне уже было совсем не смешно – мой череп пылал огнем. Я дернула себя за прядь волос и сморщилась от острой боли. Так ведь не должно быть, да? Что-то явно неладно.

– Бо, принеси воды... – Мой голос перерос в сдавленный крик, когда прядь просто оторвалась и осталась в моих пальцах. – Нет. – Я в ужасе уставилась на нее. – Нет, нет, НЕТ!

Рид мгновенно возник рядом со мной.

– Что такое? Что?..

Я с визгом швырнула липкую прядь в лицо Бо.

– Кретин! Ты посмотри... **ТЫ ПОСМОТРИ, ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ!**

Испуганно вытаращив глаза, Бо стер склизкую кашицу с лица и попятился, когда я стала на него надвигаться.

– Я же предупреждал, что не знаю, как это делается!

Коко возникла между нами с фляжкой воды. Не говоря ни слова, она вылила воду мне на голову, смывая серую жижу. Я стала плевать, яростно матерясь, и чуть не захлебнулась, когда Ансель шагнул вперед и тоже меня облил.

– Не смей, – прорычала я, когда мадам Лабелль подступила к нам, тоже с фляжкой наготове. – Не то сожгу на месте.

Она закатила глаза и щелкнула пальцами. На меня дохнуло жаром, и вся вода на моем теле разом испарилась. Рид вздрогнул.

– К чему эти сцены? – спросила она. – Все с легкостью можно исправить...

И тут мадам Лабелль осеклась, когда я подняла прядь волос, которые теперь стали очень ломкими. Все мы молча уставились на них, осознавая худшее.

Мои волосы были не светлыми. Не рыжими, не черными, не медными.

Они стали... белыми.

Прядь рассыпалась у меня в пальцах.

– Все можно исправить, – повторила мадам Лабелль, поднимая руку. – Сделаем как было.

– Не надо. – Слезы жгли мне глаза даже больше, чем краска кожу. – Никто больше даже *гребаным пальцем* моих волос не коснется.

Если покрасить их еще какими-нибудь веществами, оставшиеся пряди, вероятно, просто вспыхнут огнем, а если использовать колдовство, все может кончиться еще хуже. Узор, который понадобится, чтобы избавить мои волосы от... *этого*, будет не слишком приятным. И не из-за цвета, а из-за того, что этот цвет собой воплощал. *Кого* он собой воплощал. Любому другому человеку такие лунно-белые волосы могли бы пойти, но мне...

Чувствуя, как дрожат губы, я обернулась к Риду и взяла с его плечевого ремня нож. Я хотела на него сорваться, хотела швырнуть поврежденные волосы ему в лицо. Но он был не виноват. На самом деле нет. Я сама доверила свои волосы не магии, а Бо, черт бы побрал эту сволочь, я сама решила защитить Рида от колдовства. Как же глупо. Рид был ведьмаком, и от колдовства защитить его было невозможно – ни теперь, ни определенно когда-либо в будущем.

Рид смотрел на меня с опаской, но не пошел следом, когда я направилась в другой угол Ямы. Горячие, бессмысленные слезы стыда навернулись мне на глаза. Я гневно их утерла. Голосок в глубине души твердил мне, что я реагирую слишком бурно, что это всего лишь волосы.

Пошел он к черту, этот голосок.

Взмах.

Другой.

Третий.

Мои волосы сыпались на землю, как нити паучьего шелка – бледные и чужие. Тонкие, как паутинка. Одна прядь упала мне на сапог, будто дразнясь, и клянусь, в этот миг я услышала хохот матери.

Пока мы дожидались заката, я все никак не могла успокоиться.

Идти в Сен-Луар, пока не сядет солнце, мы не могли. Если в пивной не будет местных, тайком пробираться туда смысла нет. Не будет людей – не будет и сплетен. Не будет сплетен – не будет и сведений.

А без сведений ничего о мире за пределами Ямы мы не выясним.

Я резко вскочила и направилась к Анселю. Он говорил, что хочет научиться драться, а у меня до сих пор оставался нож Рида. Я перебросила его из руки в руку. Нужно было хоть как-то отвлечься и забыть наконец о волосах. Остриженные концы теперь едва доставали мне до плеч.

Остальное я бросила в огонь.

Ансель сидел с остальными у тлеющих углей. Когда я подошла, все разом замолчали, и нетрудно было догадаться, что они обсуждали. И *кого*. Ну прекрасно. Рид, стоявший у ближайшего дерева, осторожно подошел ко мне. Выходит, он ждал меня. Не решался сделать первый шаг. Я выдавила улыбку.

– Как ты себя чувствуешь? – Рид поцеловал меня в макушку, помедлив при виде белых прядей. Похоже, после моей истерики он до поры до времени сменил гнев на милость. – Тебе уже лучше?

– Чувство такое, будто затылок до сих пор истекает кровью, но в остальном да.

– Ты красавица.

– Врешь.

– Я серьезно.

– Чтобы ты знал, я всех вас сегодня ночью планирую побрить.

Губы Рида дрогнули, и он вдруг как будто смутился.

– А я в четырнадцать лет волосы отрастил. Как у Александра, ну помнишь, из...

– *La Vie Éphémère*⁴, – договорила я, представив, как роскошные длинные локоны Рида развеваются на ветру. И невольно фыркнула. – Ты что же, хочешь мне сказать, что когда-то был сердцеедом?

Он улыбнулся краем губ.

– А если был?

– Тогда очень жаль, что мы с тобой не встретились в отрочестве.

– Ты и так до сих пор отрок.

Я помахала у него перед носом ножиком.

– А еще я до сих пор зла.

Рид рассмеялся, и я спросила:

– А почему ты в итоге постригся?

– На площадке для тренировок длинным волосам не место. – Он печально потер макушку. – Жан-Люк однажды во время боя схватил меня за волосы и дернул почти до крови.

---

⁴ «Мимолетная жизнь». Любимая книга Рида, которую Лу читала в первой части. – *Примечание редактора.*

– Он дернул тебя за волосы? – Я ахнула, а когда Рид мрачно кивнул, нахмурилась. – Вот ведь мелкий *сучонок*.

– После этого я их отрезал. И с тех пор не отращивал. Ты мне вот что скажи... – Он подбоченился, сверкая глазами. – Мне следует отобрать у тебя нож?

Я подбросила нож в воздух, поймала за лезвие и снова подкинула вверх.

– Попробуй.

Быстрее молнии, даже не отводя взгляда от меня, Рид поймал нож у меня над головой и поднял его повыше – так, что мне было уже не дотянуться. Затем с высокомерной ухмылочкой впился в меня взглядом.

– Что-что ты там говорила?

Я сдержала порыв приятной дрожи, – судя по смеху Рида, от него это не ускользнуло, – а затем резко развернулась и ударила его локтем в живот. Охнув, Рид согнулся пополам, ткнувшись грудью мне в спину, и я вырвала нож из его пальцев. А потом, вытянув шею, поцеловала его в подбородок.

– Мило получилось.

Рид обхватил меня руками, накрепко поймав в объятия.

– Мило, значит, – повторил он зловеще. Мы все еще стояли вплотную, полусогнувшись, и наши тела идеально подходили друг другу. – *Мило*.

Без предупреждения Рид поднял меня в воздух, а я взвизгнула, размахивая ногами и задыхаясь от смеха. Рид выпустил меня, только когда Бо громко вздохнул и поинтересовался у мадам Лабелль, нельзя ли выйти пораньше, чтобы пощадить его барабанные перепонки.

– Как думаете, на Ле-Дан они мне пригодятся? Или обойдусь?

Снова оказавшись на земле, я попыталась забыть о Бо, продолжить игру, потыкать Рида в ребра – но его улыбка уже померкла. Мгновение миновало.

Настанет день, когда мне больше не придется выманивать у Рида улыбки, а ему – делиться ими по крупицам.

Но не сегодня.

Оправив рубашку, я протянула нож Анселю.

– Ну что, начнем?

Он вытаращил глаза.

– Что? *Сейчас*?

– А почему нет? – Я пожала плечами, доставая из ножен ремня Рида еще один нож. Сам Рид будто окаменел. – У нас есть пара часов до заката. Ты ведь все еще хочешь научиться драться, да?

Ансель так поспешно вскочил, что чуть не споткнулся.

– Хочу, но...

Его карие глаза метнулись к Коко и Бо, затем к Риду. Мадам Лабелль помедлила, раздавая им карты. Вместо крон они играли на камни и палки. Щеки Анселя порозовели.

– Давай... лучше не здесь?

Бо не поднял взгляда от карт, более того, он так напряженно в них уставился, что это выглядело уже странно.

– Не лсти себе, нам дела нет до твоих занятий.

Последовав примеру Бо, Коко ободряюще улыбнулась Анселю и вернулась к игре. Даже Рид понял намек, слегка сжал мою ладонь и присоединился к ним, не говоря ни слова. Никто больше не смотрел на нас.

Час спустя, однако, все уже наблюдали за нами тайком, не в силах удержаться.

– Стой, стой! Ты слишком много вертишься и слишком полагаешься на туловище. Ты ведь не Рид. – Я поднырнула под вытянутую руку Анселя и разоружила его прежде, чем он

успел бы себе что-нибудь отрезать. – Твои ноги годятся не только для уворотов. Используй их. Вкладывайся всем телом в каждый удар.

Плечи Анселя печально поникли.

Я подняла ему подбородок острием его же клинка.

– Давай-ка без этого, *mon petit chou*⁵. Еще раз!

Мы занимались до самого вечера, сражались снова и снова. Особых успехов Ансель не достиг, но духу прекратить урок у меня не хватало. Когда солнце зашло за вершины сосен, Анселю наконец удалось решительным рывком выбить у меня клинок, но в результате он и сам ухитрился порезаться. Кровь Анселя брызнула на снег.

– Это было... ты справился...

– Кошмарно, – горько договорил Ансель, бросив нож на землю, чтобы осмотреть рану.

Все еще краснея – и лишь отчасти от натуги, – он быстро оглянулся на остальных. Они поспешили сделать вид, что очень заняты, и стали собирать самодельные тарелки после ужина. По просьбе Анселя мы с ним ужин пропустили, так что в животе у меня раздраженно урчало.

– Я справился просто кошмарно.

Вздохнув, я сунула нож в сапог.

– Дай мне осмотреть рану.

Он хмуро одернул рукав.

– Все в порядке.

– Ансель...

– Сказал же, *в порядке*.

Услышав такой непривычно резкий для него тон, я замерла.

– Ты больше не хочешь упражняться?

Лицо Анселя смягчилось, и он понурил голову.

– Прости. Зря я тебе нагрубил. Просто... мне хотелось, чтобы вышло иначе, – тихо признался он и посмотрел на свои ладони.

Я быстро схватила его за руку.

– Это была только первая твоя попытка. Ты еще научишься...

– Не первая. – Ансель неохотно посмотрел мне в глаза. Как же меня сердила эта его неохота, этот стыд, который я видела в его лице. – Я уже упражнялся с шассерами. И они совсем не стеснялись мне говорить, насколько плохо у меня получается.

Мной овладел гнев – жаркий и всепоглощающий. Пусть даже шассеры многое дали Анселю, забрали они больше.

– Да нахер они пошли, эти шассеры...

– Ничего страшного, Лу.

Ансель вырвал руку, чтобы взять упавший нож, но, почти наклонившись, поднял взгляд и улыбнулся мне. Его улыбка, хоть и усталая, была полна надежды – беззастенчивой и несомненной. Я уставилась на Анселя, на миг лишившись дара речи. Частенько он бывал наивен, временами – капризен как ребенок, но все равно оставался таким... чистым и искренним. Порой мне даже сложно было поверить, что он в самом деле есть на этом свете.

– Ничто стоящее легко не дается, верно ведь?

Ничто стоящее легко не дается.

Верно.

Чувствуя ком в горле, я посмотрела на Рида, который стоял в другом углу лагеря спиной ко мне. Будто ощутив мой взгляд, он застыл и оглянулся через плечо. Я быстро отвела глаза, взяла Анселя под руку и крепко стиснула его локоть, не обращая внимания на холодный страх, который кулаком сжался в груди.

---

⁵ Малыш (*фр.*).

– Пойдем, Ансель. День выдался прескверный, давай хоть выпьем напоследок.

Клод Деверо

Рид

– Я не стану это пить.

Я оглядел стакан с жидкостью, который предложила мне Лу. Стакан был грязным, жидкость – бурой. Мутной. Под стать ей оказались и вкрадчивый трактирщик, и растрепанные посетители, которые смеялись, танцевали и проливали пиво себе на рубашки. Вечером в Сен-Луаре проездом выступала актерская труппа, и после актеры собрались в местной таверне, а следом за ними подтянулись и зрители.

– Ой, брось. – Лу сунула виски мне под нос. Пахло оно отвратительно. – Тебе нужно расслабиться. Как и всем нам.

Я оттолкнул стакан, все еще злясь на себя. Я так стремился убедить остальных собрать союзников и сразиться с Морганой, что позволил своим жалким чувствам взять верх и даже не подумал о том, как именно все будет.

– Мы сюда не пить пришли, *Люсида*.

Мысль о том, чтобы покинуть Лу, рождала во мне безотчетный панический страх.

– Уж простите, господин *Рауль*, но вы сами предложили нам отправиться на разведку именно в *таверну*. Я, впрочем, совсем не жалеюсь.

Этот страх был безграничным, всеобъемным, и мне приходилось сдерживать его изо всех сил. Хотелось кричать. Хотелось вспылить. Но я даже дышать не мог.

Казалось, я иду ко дну. Ощущение точно такое же.

– Чтобы добыть нужные сведения, лучше места нет.

Стиснув зубы, я покосился на мадам Лабелль, Коко и Бо, которые сидели в другом конце комнаты в шумном кругу бродячих актеров. Как и мы с Лу, Бо скрывал лицо под капюшоном плаща. Никто не обращал на нас внимания. Наши наряды блекли рядом с цветастыми костюмами актеров.

– Нельзя...

Я потряс головой, не в силах собраться с мыслями. Чем ближе подступала полночь, тем беспокойней эти мысли становились. Тем мятежней. Я очень старался не смотреть на Лу. Когда я видел ее, страх обострялся, ножом вонзался мне в грудь, грозя рассечь меня надвое. Понизив голос, я пробормотал:

– Нельзя следовать плану мадам Лабелль, пока мы не оценим все обстоятельства. А алкоголь отлично развязывает язык.

– Неужели?

Лу наклонилась ближе, будто хотела поцеловать меня, и я отпрянул, чувствуя, как паника подступает к горлу комом тошноты. Слава богу, что я почти не видел лица Лу, а не то мог бы совершить какую-нибудь глупость – например, унести ее куда-нибудь в подсобку, подпереть дверь и целовать до тех пор, пока она не забудет о своем нелепом намерении меня оставить. Мне и без того приходилось изо всех сил держаться, лишь бы не сделать этого. Лу разочарованно отстранилась.

– Ах да. Я и забыла, что ты все еще ведешь себя как осел.

Теперь мне захотелось поцеловать ее по иной причине.

Ночь наконец наступила. Комнату освещал лишь огонь в камине. Мы сели как можно дальше от него, укрывшись в самой тени, но в тусклом свете пламени все равно виднелись объявления на двери. Их было два. На одном – набросок моего лица, на другом – лица Лу. Точно такие же висели и на деревенских улицах.

«Луиза ле Блан, подозреваемая в колдовстве, разыскивается живой или мертвой. Нашедшему полагается награда», – было написано на объявлении про Лу. Она посмеялась над ним, но смех прозвучал натянуто, и это слышали все.

А под моим лицом говорилось:

«Рид Дигтори, подозреваемый в убийстве и преступном сговоре, разыскивается живым. Нашедшему полагается награда».

«Разыскивается живым». В свете моих преступлений это было по меньшей мере странно.

– Видишь? Надежда еще есть, – сказала тогда Лу, увидев объявление обо мне, и вполсилы ткнула меня локтем в бок. В минуту слабости я предложил ей все бросить и сбежать в ближайший порт. Над этим Лу смеяться не стала:

– Нет. На этой земле обитает мое колдовство.

– Ты ведь годы без него прожила.

– То была не жизнь, а выживание. И потом, кто я... – она махнула рукой, – без всего этого?

Как же безумно мне захотелось обнять ее. Но я лишь наклонился ближе – глаза в глаза, нос к носу – и яростно выпалил:

– Ты – всё.

– Даже если за портами ведьмы не следят, даже если каким-то чудом нам удастся сбежать, кто знает, как Моргана поступит с теми, кто останется. Да, мы выживем, но бросить на произвол судьбы остальных мы не можем. Разве не так?

Ответ тяжким грузом лег мне на сердце. Разумеется, не можем. Но Лу все равно с надеждой смотрела мне в глаза, будто ждала возражений. Заметив это, я ощутил, как внутри все сжалось. Если бы я настаивал дальше, согласилась бы Лу уйти? Отдала бы целое королевство на волю гнева Морганы, лишь чтобы мы смогли выжить?

Тихий, неприятный голосок в моих мыслях ответил на этот вопрос.

Однажды она уже сделала это.

Я со злостью отмахнулся от него.

Теперь же, когда Лу подалась ко мне, а ее капюшон грозил вот-вот соскользнуть, мои руки дрожали, и я едва сдерживался, чтобы не продолжить спор о побеге. Слишком скоро Лу предстояло уйти в лагерь крови. Я знал, что одна там она не останется, но меня рядом с ней не будет. Я не мог допустить подобного. Никак не мог. Уж точно не сейчас, когда и Моргана, и Огюст охотились на нее.

«Она сама может о себе позаботиться», – шепнул голосок.

Да, может. Но и я тоже могу позаботиться о ней.

А когда Лу со вздохом отстранилась, страх в моей душе разбавило сожаление. Она решила, что я отверг ее. Я видел, как она помрачнела у ручья, а затем снова – в лагере. Но я не отвергал ее. Я ее защищал.

Я всегда совершал глупости, когда меня касалась Лу.

– А что же ты, Антуан? – Лу сунула стакан Анселью. – Ты ведь не позволишь даме пить одной, правда?

– Конечно, не позволю. – Ансель со всей серьезностью огляделся по сторонам. – Но дамы я здесь что-то не наблюдаю. А ты?

Лу натужно хохотнула и вылила янтарную жидкость ему на голову.

– Перестань, – буркнул я, снова натянув на нее капюшон.

На короткий миг из-под него показались ее волосы. Лу их обстригла, но они все еще оставались поразительно белыми. И очень бросались в глаза. Цвет был необычным и весьма известным. Печально известным. Лу с ним стала неузнаваема, но ее могли принять за человека куда похуже. Даже она сама уже должна была заметить, как теперь похожа на мать.

Едва не погладив Лу по щеке, я отдернул руку и вытер виски плащом.

– Вот потому-то мадам Лабелль и не хотела выпускать тебя на люди. Ты привлекаешь слишком много внимания.

– Ты со своей матерью знаком примерно три с половиной секунды, но вот, пожалуйста, она для тебя уже авторитет. Ты даже не представляешь, как меня это радует.

Я закатил глаза, но возразить ей не успел – за столик рядом с нашим уселась компания мужчин. Грязных. Растрепанных. Явно желающих выпить.

– Фифи, дорогуша, – позвал самый чумазый и говорливый из них. – Будь умницей, принеси-ка нам по пинте, да обновлять не забывай.

Подавальщица, такая же грязная и без двух передних зубов, поспешила исполнить заказ.

Бо, сидевший в другом углу, одними губами что-то сказал Лу, постучав себя по зубам, и она хихикнула. Меня захлестнул прилив ревности. Повинуясь порыву, я придвинулся ближе к Лу, замер и отодвинулся обратно. Заставил себя сосредоточенно оглядеть комнату.

– Ты сегодня сильно-то не налегай, Рой, – сказал другой. – Завтра подыматься рано.

Позади растрепанной компании трое мужчин в темных одеждах играли в карты. На поясах у них были мечи, в кубках – медовуха. Еще дальше парочка молодых людей оживленно беседовали с мадам Лабелль, Коко и Бо. Фифи и крепко сложенный трактирщик стояли за прилавком. Актеры и актрисы танцевали у дверей. Местные селяне, веселые и раскрасневшиеся от холода, продолжали прибывать.

Люди были повсюду и даже не подозревали, кто скрывается среди них.

– Какое там.

Рой сплюнул на пол. На подбородке у него осталась слюна, и Лу, которая сидела к нему ближе всех, отодвинула свой стул подальше и поморщилась.

– Завчерась кобыла ногу сломала. Не ехать, стало быть, нам в Цезарин.

Услышав это, мы втроем разом замерли – слишком резко и неестественно. Я толкнул Лу локтем, и она, кивнув, сделала глоток. Ансель последовал ее примеру и сморщился. Затем предложил напиток мне. Я отказался, быстро оценивая расстояние от Сен-Луара до Цезарина. Если они собирались выехать утром, значит, похороны Архиепископа через две недели.

– Везет же, – вздохнул другой, когда Фифи вернулась с медовухой. Все стали жадно пить. – Мне придется, а то моя все пилит и пилит. Должное воздать, говорит, надо. Вот ведь дуреха. Старик Флорин мне за жизнь никакого добра не сделал, только мелких чертят в молотью бесил.

Звучание этого имени обухом ударило меня по голове. Выходит, они земледельцы. Несколько недель назад нас отправляли разбираться с очередным нашествием лютенов. Но мы ведь *помогали* крестьянам, а не мешали им.

Будто прочтя мои мысли, один из них сказал:

– Ладно тебе, Жиль. Его синие свиньи их перебили, и то хлеб.

«Синие свиньи». От злости у меня сжалось горло. Эти люди даже не осознавали, как много делали шассеры, чтобы уберечь их от бед. Чем они жертвовали ради этого. Как праведно жили. Я с неприязнью оглядел помятую одежду мужчин. Возможно, они жили слишком далеко на севере, чтобы это понимать, или же слишком далеко от приличного общества. Только глупцы и преступники отзывались о моем братстве... то есть о *братстве шассеров* как-либо иначе, кроме как о людях добродетельных, благородных и верных правому делу.

– Ага, если б всех, – буркнул Жиль. – Как свиньи ушли, эти твари прямо бунт устроили. Откопали трупы своих приятелей и за ночь всю мою пшеницу покровсали. Теперь каждую неделю за порогом для них подношения оставляем. Свиньи нас бы сожгли, если б прознали, но что тут поделаешь? Так дешевле, чем еще одного поля лишиться. Между молотом и наковальней сидим. И есть, считай, почти нечего.

Он обернулся, чтобы заказать у Фифи еще выпивки.

– Ага, – поддакнул его друг, качая головой. – Что ни делай, все одно получишь. – Он снова обернулся к Рою. – Но так, может, даже и лучше. У меня сестра со спиногрызами в Цезарине живет. Говорит, Огюст комендантский час поставил, вона как. Людям по улицам после заката ходить нельзя, а женщинам – вообще нельзя без, как оно там сказано, «сопроводителей мужского пола». После того, что случилось с Архиепископом, его вояки день и ночь по городу караулят всяких подозрительных девиц.

Сопроводители? Караулы?

Мы с Лу переглянулись, и она тихо выругалась. Перемещаться по городу будет сложнее, чем мы ожидали.

Жиль содрогнулся.

– Не скажу, что я сильно против. Мелкие твари – дело одно, а ведьмы – совсем другое. Злые они, так-то. Неприродные.

Остальные что-то согласно забормотали, а Рой заказал еще пинту. Когда один из них завел разговор про свою грыжу, Лу быстро покосилась на меня. Мне не понравилось ее решительное лицо и блеск в глазах.

– Не надо, – предостерег ее я, но Лу только от души хлебнула и подала голос:

– Эй, а слышали, чего этот олух Туссен говорил?

Все глаза за соседним столиком обратились к Лу. Я неверяще уставился на нее вместе с остальными и прирос к стулу. Ансель нервно хохотнул. Скорее даже пискнул. Лу пнула его под столом.

Еще одну напряженную секунду спустя Рой рыгнул и похлопал себя по животу.

– А ты еще кто? Чего лицо прячешь?

– Денек выдался скверный. Я как осердилась, да как срезала все, что на голове было, а теперь самой на себя смотреть тошно.

Ансель подавился ви́ски, и я безотчетно похлопал его по спине. Мы не сводили взгляда с Лу. Я не видел, но ясно чувствовал, как она усмехается. Все происходящее ей было в забаву.

Как же мне хотелось ее придушить.

– Да еще бородавка у меня на подбородке, – заговорщически добавила Лу и коснулась лица, скрытого под капюшоном. – Вымахала с целую Бельтерру, ничем теперь ее не запудришь.

– Ай, да что там. – Один из мужчин со знанием дела кивнул и мутными глазами посмотрел на нее. – У моей сестры такая на носу. Твоя небось еще ничего.

Лу не сдержалась и фыркнула.

– Это братья мои. – Она указала на нас с Анселем. – Рауль и Антуан.

– Здорово, ребята. – Улыбаясь, Ансель вскинул руку и по-дурацки им помахал. – Как ваше ничего, помаленьку?

Я уставился на него. Робкая улыбка Анселя не дрогнула.

– Ну так вот, – продолжила Лу, залпом прикончив виски. – Антуан с Раулем знают, каково вам с лютенами. Мы и сами земледелы, а синие свиньи нам жизнь портят только так, и Туссен – хуже всех.

Рыкнув, Рой мотнул головой.

– Он со свиньями своими только утром тут был. Они говорят, старина Туссен в Сочельник Моргану выпотрошил.

– Враки! – Лу хлопнула по столу.

Я предостерегающе наступил ей на ногу, а она в ответ пнула меня в голень. Плечи Лу тряслись от беззвучного смеха.

– А еще... – Рой снова рыгнул и наклонился поближе, жестом велел нам сделать то же. – Они сказали, что им скорым делом надо ехать в Цезарин на турнир.

У меня внутри все сжалось.

– Турнир?

– Ага, – подтвердил Рой. С каждой секундой он все больше багровел и говорил все громче. – Новичков в ряды понабрать надо. Видно, ведьмы некоторых ихних вояк угробили. В народе это прозвали Алым Ноэлем. – Он ухмыльнулся и утер рот рукавом. – Крови потому что много было.

Ансель снова передал мне выпивку, и на этот раз я не отказался. Виски обожгло мне нутро.

Тот, у которого была сестра с бородавкой, кивнул.

– Удумали провести турнир перед похоронами Архиепископа. Видать, праздник из этого решили устроить. Так себе затея.

Жиль допил третью пинту.

– Может, и мне поучаствовать? Я бы их там всех завалил.

Его собеседник расхохотался.

– А я бы женушку твою завалил, пока тебя нету.

– А мне тогда сестру свою давай!

На этом разговор пошел ко дну. Я тщетно пытался отвлечь Лу от спора о том, кто страшнее – сестра одного из собеседников или ведьма с объявлений о розыске, как вдруг их перебил незнакомый голос:

– Все это нонсенс, любезные господа. Нет на свете ничего более достойного, чем бородавка на лице.

Мы разом обернулись и увидели мужчину, который уселся на пустое место за нашим столиком. Непослушные усы и борода, блестящие карие глаза. Это был скрипач актерской труппы. Он протянул мне обветренную ладонь и помахал остальным.

– Мое почтение. Клод Деверо к вашим услугам.

Рой с товарищами брезгливо отвернулись, бормоча что-то про шарлатанов.

Я уставился на руку Клода, а Лу быстро поправила капюшон. Ансель покосился на мадам Лабелль, Коко и Бо. Они украдкой наблюдали за нами, но от беседы не отвлекались. Мадам Лабелль едва заметно кивнула.

– Что ж. – Клод опустил руку, но улыбаться не перестал. – Полагаю, вы не будете возражать, если я составлю вам компанию? Признаюсь, мне необходимо передохнуть от всеобщего кутежа. Ах, у вас есть спиртное, как славно. – Он махнул актерам, а затем угостился остатками напитка Ансея. – Премного обязан, сударь. Право, моя благодарность не знает границ. – Подмигнув мне, Клод промокнул губы клетчатым карманным платком. – О чем я говорил? Ах да. Клод Деверо. Это я. Музыкант-исполнитель и руководитель «Труппы Фортуны». Довелось ли вам побывать на нашем выступлении сегодня вечером?

Я все так же давил Лу на ногу, умоляя ее молчать. Этот человек, в отличие от Роя, сам проявил к нам интерес. Мне это не понравилось. Обиженно вздохнув, Лу отстранилась и скрестила руки на груди.

– Нет, – отрезал я. – Не довелось.

– Празднество выдалось поистине восхитительным.

Клод с удовольствием продолжил свой монолог, улыбаясь каждому из нас по очереди. Я повнимательней его оглядел. Брюки в тонкую полоску. Пальто с огуречным узором. Галстук-бабочка в клетку. Цилиндр – темно-бордовый и потрепанный – Клод положил на стол. Даже мне его наряд показался... странным.

– Я очень люблю приятные в своей старомодности придорожные деревушки. Здесь можно встретить интереснейших людей.

Это уж точно.

– Крайне досадно, что мы вынуждены сей же ночью отбыть на юг – толпа и звон монет зовут нас на погребение нашего Святого Отца. – Клод рассеянно махнул рукой. На его ногтях блеснул черный лак. – Повод, безусловно, трагичнейший, но и плата весьма внушительная.

Я скривился. Клод Деверо нравился мне все меньше и меньше.

– А что же вы? Могу ли я узнать ваши имена? – Будто не чувствуя никакого напряжения и неловкости нашего молчания, он весело побарабанил по столу. – Впрочем, интриги – моя слабость. Быть может, мне попытаться угадать самому?

– В этом нет нужды, – холодно ответил я.

Рой уже сказал нам все, что было нужно. Настала пора уходить. Встав, я поймал взгляд Бо и кивнул на выход. Он толкнул локтем мою мать и Коко.

– Меня зовут Рауль, а это мои друзья, Люсида и Антуан. Мы уже уходим.

– Друзья! Как чудесно! – Он побарабанил пальцами еще громче и бодрей, совершенно не обращая внимания на мою грубость. – И до чего же замечательные у вас имена! Однако, увы, имя Рауль мне не слишком по вкусу, но позвольте объяснить почему. Некогда знал я человека – он был дюж и крепок как медведь, или же, вероятно, то был скорее медведь, который оказался мал и угрюм как человек. Так вот однажды бедняга засадил себе в ногу занозу...

– Мсье Деверо, – сказала Лу, и в голосе ее послышались и раздражение, и любопытство. Возможно, именно собственное любопытство ее и раздражило.

Когда Лу заговорила, улыбка Деверо дрогнула, и он медленно моргнул. Лишь раз. А затем улыбнулся снова – шире, искренней, – наклонился к ней и взял за руку.

– Прошу, Люсида, зовите меня Клод.

Услышав, как голос Деверо вдруг преисполнился тепла, и увидев, как его глаза заблестели ярче прежнего, я снова ощутил, как страх поднимается у меня внутри и перерастает в подозрение. Но узнать Лу Клод никак не мог. Ее лицо было все так же скрыто под капюшоном. Возможно, подобная фамильярность – лишь еще одна черта его странной личности. Совершенно неуместная черта.

Лу напряглась от его прикосновения.

– Мсье Деверо, пусть даже обычно я ничего не имею против незнакомцев, которые распивают мое виски и гладят мне руки, последние несколько дней выдались крайне непростыми. Вы меня бесконечно обяжете, если сию же минуту отвяжетесь и сгинете ко всем чертям.

Рой, который все это время подслушивал нас, вскинул голову и нахмурился. Я вздрогнул.

Лу перестала изображать из себя деревенщину.

Выпустив ее руку, Деверо запрокинул голову и рассмеялся в голос.

– Ах, Люсида, вы очаровательны. Не могу описать словами, как мне не хватало столь черного юмора – такого, что может и укусить, если подойти слишком близко. Позвольте принести вам мои искренние извинения за эту вольность...

– Хватит придуриваться. – Лу вскочила на ноги, почему-то взволновавшись. Ее голос остро зазвенел. Остро и слишком громко. – Чего вам надо?

Вот только ее капюшон от резкого движения упал на плечи, и что бы ни собирался ответить на это Клод Деверо, он явно передумал. И с восторгом посмотрел на нее, забыв обо всяком притворстве.

– Я лишь хотел познакомиться с вами, милая девушка, и предложить помощь, если она когда-либо вам потребуется. – Он посмотрел на горло Лу. Узел на новой ленте ослаб – она была слишком гладкой и большой, и завязать ее бантом оказалось сложнее обычного. Лента соскользнула, обнажив ужасный шрам.

Твою мать.

– Что это с тобой случилось, а? – громко спросил Рой. Жиль рядом с ним сощурился и оглянулся на объявления на двери. – Ничего себе у тебя шрам.

Деверо быстро надел на Лу капюшон, но было поздно.

Слишком поздно.

Рой не без труда поднялся на ноги. Он махнул кружкой на Лу, качаясь и едва стоя на ногах. Медовуха пролилась ему на штаны.

– Нету у тебя никакой бородавки, *Люсида*. Зато больно уж ты похожа на ту девку, что все ищут. На *ведьму*.

В таверне все стихло.

– Я не... – прозаикалась Лу, лихорадочно оглядываясь. – Что за чушь...

Я вынул балисарду из ножен и решительно встал у Лу за спиной. Ансель со своим ножом последовал моему примеру. Остальные спутники Роя вскочили на ноги.

– Это она, точно вам говорю. – Ненароком врезавшись в стол, Жиль указал на объявление и торжествующе ухмыльнулся. – Она себе волосы отрезала и покрасила, но такой шрам не спрячешь. Как день все ясно. Эта девчонка – Луиза ле Блан.

Неуклюжим, но устрашающим движением Рой поднял свою стеклянную кружку и разбил ее о стол, превратив в острое зазубренное оружие.

Марионетка

Рид

Наша жизнь давно уже превратилась в сущий кошмар, но тем не менее мне еще не доводилось драться плечом к плечу с Лу. В Модранит она была без сознания, на спектакле Древних сестер скрывала свое колдовство, а в кузнице убила преступников прежде, чем я успел вмешаться. До нынешних пор я просто не понимал, как человек такого хрупкого сложения мог убить двоих рослых мужчин так легко. И так жестоко.

Теперь я понял.

С этой женщиной шутки были плохи.

Она двигалась на удивление быстро, ловко маневрируя и нанося удары обеими руками. А когда промахивалась – выгибала пальцы, и ее противник спотыкался на ровном месте. Или застыл, будто каменный. Или врезался в прилавок, круша стаканы и заливая комнату виски. Стекло дождем сыпалось нам на головы, но Лу не останавливалась. Она била снова и снова.

И все же Рой с приятелями быстро протрезвели и заметно превосходили ее числом – против одной Лу их было четверо. Стало пятеро, когда к драке присоединился трактирщик.

Коко кинулась к нему, но я поймал ее и подтолкнул к двери.

– Забирай остальных и уходи. Они пока не знают ваших лиц, но узнают, если вы останетесь и будете драться.

– Я не оставляю Л...

– Нет. – Я схватил ее за платье и решительно выставил за дверь. – Оставишь.

Бо, тараща глаза, выскочил следом за ней. Ансель и мадам Лабелль явно хотели возразить, но я не позволил. Броском ножа я за рукав пригвоздил к стене Роя, который успел замахнуться на Лу кружкой.

– Встретимся в лагере. *Идите.*

Они поспешили за Коко и Бо.

Лу, которая в этот самый миг боролась сразу с тремя противниками, что-то мне крикнула, но я ничего не расслышал из-за гомона местных. Они вповалку кинулись прочь, стремясь скорее убежать от страшной ведьмы, но, как оказалось, бояться стоило еще и тех троих мужчин с самодельными мечами, которых я заметил ранее. Со смехом и криками они пробились через толпу к выходу. Один сорвал объявление о Лу и прикарманил его. Затем – мое. Оглянувшись на меня и усмехнувшись, он похлопал себя по голове. Я схватился за упавший капюшон.

– Можете не спешить.

Мужчина схватил с ближайшего стола кружку и щедро отхлебнул. Его спутники между тем уже загородили дверь, и оставшиеся селяне оказались взаперти. Как и мы.

– Мы подождем.

Охотники за головами.

– Эй, муж! – Лу вскинула руку, и Жиль с приятелями столкнулись лбами и со стонами рухнули на пол. – Я очень, *очень* стараюсь не строить из себя беспомощную барышню, но помощь *правда* пришлась бы кстати...

Рой вскочил и схватил ее. Я резанул трактирщику ногу, перемахнул через него и кинулся к ним.

– Фи, Рой, *mon ami*, – Лу сморщилась у него под мышкой. – Уж прости за бестактность, но когда ты в последний раз мылся? Пахнешь совсем не розами.

Сделав вид, что ее тошнит, она укусила его в подплечье. Рой отпрянул, а я ударил его по голове, схватил Лу за локоть и оттащил в сторону прежде, чем Рой рухнул бы на нее. Лу между тем успела ловко пнуть Жилия, который как раз пытался встать.

– Рид, ты даже не представляешь, как *лакомо* сейчас выглядишь.

Коварно улыбаясь и все еще держа меня за локоть, Лу нырнула в мои объятия и поцеловала в губы. Я, видимо, совсем с ума сошел, потому что ответил на поцелуй и не отстранился, пока...

– Лакомо? – Я нахмурился. В груди колотилось возбуждение. – Не уверен, что мне нравится это слово...

– Почему? Это всего лишь значит, что я хочу съестть тебя живьем.

Она ударила последнего из приятелей Роя, и мы бросились к двери.

– Ты уже пробовал какие-нибудь узоры?

Высоченный трактирщик преградил нам путь и оглушительно взревел. Его нога была вся в крови.

– Ведьма, – прорычал он, замахнувшись на нас дубиной размером с Лу.

Стиснув зубы от натуги, я отразил удар балисардой.

– Сейчас явно не время...

– Но ты пробовал?

– *Нет*.

Досадливо вздохнув, Лу быстро присела, чтобы ударить Роя, который все никак не желал лежать спокойно.

– Я так и думала.

На этот раз, когда Рой ринулся на нее, Лу заскочила ему за спину и пнула сзади. Он рухнул на тела своих друзей, и Лу выбила у него оружие.

– В бою с магией бывает непросто, но необязательно так, как вышло сегодня утром. Главное – творческий подход...

Лу резко замолкла, когда Жиль схватил ее за лодыжку. Подмигнув мне, она топнула по его лицу. Жиль обмяк и больше не шевелился. Ударив трактирщика лбом в нос, я поймал его дубину, когда он рухнул на пол. От удара сотрясся весь дом.

Тяжело дыша, я оглянулся. Пятеро готовы, осталось трое.

– Постарайся заглянуть за пределы этой отвратительной комнатки, увидеть то, что скрыто глубже.

Лу взмахнула ножом, указывая вокруг. Снова раскричавшись, селяне попрятались за перевернутыми столами и стульями.

– Давай. *Посмотри*. И скажи мне, что ты видишь.

Вместо этого я взглянул на мужчин у дверей. Верные своему слову, они ждали. Когда мы подошли, они вальяжно оттолкнулись от стены и обнажили мечи.

– Полагаю, это значит, что по-хорошему в сторону вы не отойдете, – вздохнула Лу. – Думаете, это мудро? Я ведь и правда ведьма.

Тот, что взял кружку, наконец допил свое пиво.

– А ты знала, что за твою голову дают сто тысяч крон?

Лу фыркнула и остановилась.

– Признаться, я оскорблена до глубины души. Моя голова стоит по меньшей мере вдвое больше. А с Госпожой Ведьм вы беседовали? Уверена, она и втрое больше бы заплатила. Но именно за меня, а не за мою голову. Я, конечно же, должна остаться *жива*, и вот тут-то вся и загвоздка...

– Заткнись. – Мужчина бросил кружку на пол, и она разбилась у его ног. – А не то я тебе ее заживо отрежу.

– О, так король *в буквальном смысле* хочет заполучить мою голову? Как же это... поварварски. Вы точно не хотите отвести меня к Госпоже Ведьм? Ее подход мне вдруг как-то резко приглянулся больше.

– Если сдашься, мы убьем тебя быстро, – пообещал его спутник. – Неприглядную возню оставим на потом.

Лу скорчила гримаску.

– Как великодушно с вашей стороны. – Мне она шепнула: – У них нет балисард. Сосредоточься на том, чего хочешь достичь, и узоры появятся. Выбери тот, что нанесет меньше всего побочного вреда. Но обязательно выбери, иначе природа решит за тебя сама. Сегодня утром так и случилось, верно ведь?

Я крепче схватился за балисарду.

– В этом не будет нужды.

– Шасс, я стараюсь тебя не торопить, но времени у нас не в избытке...

Первый из охотников перестал улыбаться и поднял меч.

– Я велел тебе заткнуться. Нас больше, чем вас. Вы будете сдаваться или нет?

– Нет.

Лу вскинула нож. На фоне меча он выглядел таким крохотным. Как и она сама рядом с этими охотниками. Я дышал глубоко и уже почти ровно, но напряжение в моем теле росло – и росло, и росло, пока не поглотило меня полностью.

– Хотя нет, погодите-ка, дайте подумать... – Она постучала себя пальцем по подбородку, будто и впрямь размышляя. – *Определенно* нет.

Мужчина ринулся на нее. Я мгновенно вонзил балисарду ему в живот и развернулся к другому охотнику, который попытался проскочить мимо. Я ударил его в коленную чашечку, и он согнулся, вонзив клинок мне в ступню. Я вырвал лезвие, чувствуя, как темнеет в глазах.

С диким криком Лу кинулась к третьему из них, но он поймал ее за запястье и вывернул его. Нож Лу упал на пол. В ответ она щелкнула пальцами, и охотник отлетел в сторону, врезавшись в прилавок с такой силой, что тот треснул. Кашляя, Лу согнулась пополам.

– Образовательная минутка, – выдохнула она хрипло. – Стоило просто убить этого ублюдка, но я... – она закашлялась, – ...использовала воздух вокруг нас, чтобы оттолкнуть его назад... К прилавку. Меня, как видишь, в ответ тоже приложило неплохо. Понимаешь? Я могла взять воздух прямо из своих легких, но этот амбал... слишком велик. Слишком много воздуха нужно, чтобы сдвинуть его с места. Я из-за этого даже могла бы умереть. – Лу усмехнулась, а потом расхохоталась. Из ее рта потекла кровь. – И как бы я тогда получила от твоего отца сто тысяч крон?..

Из обломков прилавка в Лу полетел нож.

Она не успела бы увернуться.

Время словно замедлилось. Зажатый с двух сторон, я смотрел, как Лу вздрагивает и вскидывает руку, пытаясь не позволить лезвию пронзить ей сердце. Но бросок был силен, против-

ник – очень близок, его рука – пугающе метка. Спасения не было. Я знал, что лезвие найдет цель. Лу никак не смогла бы остановить его. И я тоже.

Ее пальцы дрогнули.

И в этот миг взгляд Лу стал менее осмысленным, менее... человеческим. В мгновение ока кинжал изменил направление и вонзился в глотку своего же владельца.

Лу смотрела на него сверху вниз, все еще улыбаясь. В ее глазах блестела незнакомая мне злоба.

Вот только на самом деле эта злоба была мне очень даже знакома. Я видел ее не раз.

Но только не в глазах Лу.

– Лу?

Я коснулся ее, и эта страшная улыбка наконец исчезла. Лу охнула, схватившись за грудь. Остальные двое кинулись на нас, и я загородил ее своим телом. И с тревогой осознал, что Лу не может дышать. Вопреки собственному предостережению она отдала воздух из своих легких, чтобы метнуть этот нож. Воздуха потребовалось не так много, как для того, чтобы подбросить человека. Но и этого хватило, чтобы у нее в глазах полопались сосуды, а грудь стала яростно вздыматься, восполняя утраченное.

– Все хорошо, – проговорила Лу, пытаясь снова встать рядом со мной.

Голос ее был хриплым. Слабым. Я снова загородил ее собой.

– Я же сказала, все в порядке!

Не обращая внимания на ее слова, я широко замахнулся балисардой – не думая о том, как прерывисто дышит Лу, как пахнет колдовством вокруг, как ревет кровь в моих ушах. Я попытался защитить Лу и отогнать от нее двух охотников, но боль в ноге напомнила о себе, и я споткнулся.

– Дайте нам уйти, – сказал я тихо, отчаянно, боясь за их судьбу. Нет. За судьбу Лу. – Дайте нам уйти, и мы позволим вам жить.

Первый из охотников поднялся на ноги, уже не улыбаясь. Труп его спутника лежал рядом. Бросив взгляд на мою раненую ногу, охотник шагнул ближе.

– Знаешь, по городу ходят слухи... говорят, ты бастард короля.

Это открытие сбило меня с толку. Откуда люди могли узнать правду? Ведь об этом знали лишь те, кто оставался с нами – Лу, Ансель, Коко, Бо и...

И тут мне все стало ясно.

Мадам Лабелль.

– Мы можем тебе помочь, – уговаривал второй, по пятам ступая за первым. – Можем освободить от чар этой ведьмы.

Все инстинкты приказывали мне сражаться. Бороться и *защищать*. Вот только теперь это было уже не одно и то же. Еще быстрее я отступил назад, но снова споткнулся. Лу помогла мне устоять на ногах.

– Я вас умоляю, – фыркнула она. – Да он спит со своей балисардой. Я бы даже при желании не смогла его заколдовать.

– Замолкни, ведьма.

– Может, тогда ваш покойный приятель за меня вам все скажет? – елеинным голоском поинтересовалась она.

Я снова затолкнул Лу себе за спину.

Затем лихорадочно осмотрел дверь, окна. Слишком далеко, не достать. Отчасти я понимал, что у меня есть преимущество – согласно объявлению, я нужен живым, а потому охотники не станут рисковать, чтобы случайно меня не прикончить. Но сказать того же о Лу было нельзя. В этой битве она могла лишиться жизни – а значит, и они тоже. Мне придется убить их прежде, чем они успеют ее коснуться. Я мог победить их даже в меньшинстве, даже раненый. Но если я начну драться, Лу поступит так же. Она не даст мне биться одному.

Лу снова попыталась встать рядом, и снова я отодвинул ее назад.

Я не мог позволить ей сражаться. Только не колдовством. Не после того, что только что видел. Она могла безвозвратно себе навредить. И все же оставить ее беззащитной я тоже не мог. Схватив Лу за руку, я спиной прижал ее к стене, не давая вырваться.

– Возьми у меня нож, – шепнул я, глядя, как охотники подступают ближе.

Вместо этого Лу выбила у меня из руки балисарду.

– Что ты?.. – Я прыгнул за клинком, не веря своим глазам, но Лу меня опередила и наступила на балисарду ногой, когда охотники бросились на нас.

– Верь мне! – крикнула она.

Спорить времени не было. Я выхватил из ремня два ножа и стал отражать удары противников один за другим, предугадывая каждое их движение. Ножи будто стали продолжением моих рук. Даже острая боль в ноге ослабла. С необъяснимым волнением я смотрел, словно со стороны, как мое тело делает ложные выпады, уклоняется, изгибается. Толчок здесь. Пинок там.

Вскоре, окровавленные и измотанные сражением, охотники стали двигаться медленней. Они с ненавистью смотрели на Лу. Но она ведь все это время стояла позади меня и не участвовала в драке...

Я оглянулся. При виде того, как выгибались ее пальцы, у меня перехватило дыхание от изумления. Нет. Не от изумления. От гнева. Да, я видел подобное прежде. Много, много раз.

Она использовала меня как гребаную марионетку.

Лу увидела мое лицо, и ее пальцы замерли, а мои руки безвольно обмякли, будто кто-то обрезал нити.

– Рид... – шепнула она. – Не надо...

Охотники возможности не упустили.

Тот, что был быстрее всех, подскочил ко мне, полоснул по ладоням и выбил ножи. Остановить его я не смог – второй охотник прижал клинок мне к подбородку. Первый тут же подошел и ткнул меня мечом в ребра.

– Не стоит усугублять, Диггори, – выдохнул один из них и с силой ударил меня под дых, когда я попытался вырваться. – Королю ты нужен живым, и разочаровать его нам очень не хотелось бы.

Охотники рывком повернули меня к Лу, которая наклонилась за моей балисардой.

– Тихо, тихо, дорогая.

Они вдавили клинки глубже. Предупреждая ее. И меня тоже. Я ощутил, как по моему горлу потекла струйка крови. Лу медленно поднялась. На лице ее читалось желание убивать.

– Вот так. Никаких резких движений. А теперь подтолкни-ка этот ножик сюда.

Вместо этого Лу пнула нож к двери – я заметил, как она оживилась, что-то увидев там. Я не смел смотреть в ту сторону, боясь привлечь внимание охотников.

Лу глубоко вздохнула. Прямо у нас на глазах выражение ее лица переменялось. Порхая ресницами, Лу улыбнулась охотникам сладкой улыбкой. У меня внутри все сжалось. Сегодня, когда волосы Лу стали белыми, а глаза казались скорее зелеными, чем синими, она походила на совершенно другого человека.

– А вы знали... – проговорила она, неподвижно держа руки прямо перед собой, – ...что жестикуляция необходима для колдовства? Нам нужно обозначать свои намерения жестами, а иначе можно случайно сбить узор посторонней мыслью. Движение – суть воплощение.

Последнее она произнесла как цитату из учебника. Снова улыбка. Еще шире прежней. Еще слаще. Охотники смотрели на нее с недоумением. Я – с ужасом.

– Сойдет даже едва заметный жест. Вы сами только что видели, как я одним движением пальцев убила вашего друга. Это заняло меньше секунды.

Охотники вцепились в меня крепче.

– Лу... – тихо и напряженно проговорил я. – Не надо. Если опасно влиять колдовством на память людей, влияние на их жизнь может закончиться еще хуже. Поверь мне.

Она снова бросила взгляд на дверь. Я тяжело сглотнул и поморщился, чувствуя кожей холод клинка. Лу просто тянула время. Только и всего. Но эта улыбка... тревожила меня. Я попытался снова:

– Их ведь двое. Даже если ты убьешь одного, другой...

– Перережет *ему* глотку, – договорил тот охотник, что стоял слева от меня, и вдавил лезвие еще глубже, подчеркивая свои слова. Но рука его была липкой. Холодной. Он вспотел – я чувствовал это даже через одежду. Эти двое боялись Лу.

Притворившись, что пытаюсь сопротивляться, я оглянулся. И чуть не ахнул. Ансель, Коко, мадам Лабелль и Бо волокли Роя и его приятелей за двери, на улицу. Ну почему они меня не послушали? Почему не *ушли*? Вместо этого они помогли сбежать оставшимся селянам. Клод Деверо копался в обломках прилавка и что-то искал.

– Полагаю, ты прав.

Лу подмигнула мне, и наконец я увидел ее настоящую за маской притворства. Меня захлестнуло волной облегчения.

– Но наблюдать, как ты извиваешься, мне определенно нравится.

Потеряв остатки терпения, один из охотников кинулся на нее.

– А уж мне-то как понравится отрубить тебе...

Сзади послышался торжествующий клич, и охотники наконец обернулись.

За прилавком стоял, держа в руках зажженную спичку, Клод Деверо. Он усмехнулся.

– Добрый вечер, господа. Уж простите великодушно, что перебиваю, но по моему мнению, крайне невежливо обсуждать в присутствии дамы свои намерения ее обезглавить.

Он бросил спичку в нашу сторону, и грянул взрыв.

Белые тени

Лу

Какая же все-таки дрянь этот огонь.

Мне уже доводилось гореть – бесконечно гореть на сверхъестественном костре, принимая чужую судьбу, пока от меня не осталась одна шелуха. Но огонь, похоже, мною так и не насытился. Хотел заполучить еще кусочек.

Обойдется.

Когда все вокруг вспыхнуло, я бросилась к Риду и потянулась к узору, который замерцал между нами и пламенем. Золотая нить извлекла из моей груди ледяной страх, окутала нас защитной преградой из холодных сверкающих кристаллов и рассыпалась в пыль. Мы с Ридом вцепились друг в друга и смотрели, как огонь бушует вокруг, не причиняя нам вреда.

Охотникам за головами повезло меньше.

Я пыталась не злорадствовать, глядя, как они сгорают дотла. Правда, пыталась. Но страхом своим я только что пожертвовала, и без него остался только гнев – гнев, который пылал жарче и ярче пламени вокруг. Кровь до сих пор сочилась из пореза на горле Рида и стекала вниз, пачкая ему воротник. Мы столько блуждали по лесным дебрям, целую неделю просидели в Яме, а ему все равно удалось сохранить одежду в безупречном виде. До нынешних пор. Парочка чертовых охотников одолели бы нас, если бы не Клод Деверо.

Кстати, где он?

Все еще кипит от гнева, я оглядела таверну, но Клод бесследно исчез.

Рид вцепился в меня еще крепче, когда за прилавком полопались бутылки с виски. Стекло брызнуло дождем на наш уже подтаивающий щит, и черный удушливый дым стал проникать внутрь. Я закашлялась, притянула Рида ближе и крикнула ему на ухо:

– Нужно уходить! Щит долго не продержится!

Быстро кивнув, он посмотрел на выход.

– А он будет перемещаться вместе с нами?

– Не знаю!

Рид схватил меня за руку и помчался сквозь огонь к дверям. Я подхватила с пола его балисарду и кинулась следом, заставляя себя дышать. Один хриплый вдох за другим. Грудь все еще болела, голова тоже. В глазах почти сразу помутнело. Дым обжигал нос и горло, и я закашлялась. Первый язык пламени лизнул мне спину – я кожей ощутила это. Он задел мои плечи и шею – выходит, остатки щита растаяли. Тогда-то страх наконец ко мне вернулся.

Мне вспомнился другой огонь.

– Рид!

Я со всей силы толкнула его, и Рид вывалился за дверь и рухнул на землю. Я упала рядом с ним, зарылась в ледяную грязь и стала кататься в ней, как свинья в хлеву, совершенно позабыв о приличиях. К горлу подступили рыдания, и я всхлипнула.

– Нужно бежать! – Рид схватил меня за руки и рывком поднял.

Нас уже окружили люди с самодельным оружием. Вилы. Молотки. В полных ненависти глазах селян сверкал огонь. Они собрались вокруг, возвышаясь надо мной, и их крики эхом разносились сквозь туман, который постепенно окутывал мой разум.

Ведьма!

Держи ее!

Шассеров сюда!

Мои руки и ноги отяжелели. Я со стоном оперлась на Рида, шатаюсь и очень надеюсь, что он не позволит мне упасть. Рид не подвел. Я приглушенно выдавила:

– У меня болит спина.

Он ничего не ответил, а вместо этого вырвал у меня балисарду и замахнулся ею на противников, расчищая нам путь. Мир поплыл у меня перед глазами – приятно, успокаивающе, как бывает перед сном, когда ускользают мысли.

Мне почудилось, или в толпе показался Клюд? На задворках разума промелькнула смутная мысль о том, что я, возможно, горю. Но это осознание было тихим, далеким, а поистине был важен лишь Рид, который стоял совсем рядом и обнимал меня...

– Лу.

Его глаза возникли прямо передо мной – широко распахнутые, встревоженные, бесконечно синие. Вот только... их вроде должно было быть не четыре? Я хохотнула, хотя смех вышел хриплым, и потянулась разгладить морщинку у него на переносице. Рид поймал меня за руки. Его голос звучал то четко, то неразборчиво.

– Не теряй сознание... назад в лагерь... шассеры... уже идут.

Идут.

Я иду за тобой, дорогая.

Страх ударил меня под дых, и мой смех резко стих. Дрожа, я попыталась обхватить Рида за пояс, но руки не слушались. Они безвольно повисли, тяжелые и бесполезные, и я просто рухнула на него.

– Она идет за мной, Рид.

Смутно чувствуя, как он поднимает меня на ноги и что-то ободряюще шепчет мне на ухо, я попыталась собраться с суматошными мыслями и прогнать прочь тени, которые плясали перед глазами.

Вот только тени обычно не белые, а эта тень была ослепляющей, точно раскаленной добела. Она вспорола мне горло и стала жадно пить мою кровь...

– Я больше не позволю ей тебе навредить.

– Мне очень хотелось бы быть твоей женой.

Он застыл, услышав мое неожиданное признание, но я уже забыла, что сказала. В последний раз сонно вдохнув аромат сосен, дыма и Рида, я скользнула во тьму.

Крест

Лу

Я очнулась и тут же услышала чей-то спор. Спина уже прошла, будто по волшебству, но в груди все равно было тяжело, тесно. Ощувив на языке мед, я едва заметила другой привкус, острый и медный, скрытый за приторной сладостью. Мне стоило бы устыдиться, но от усталости ни на что, кроме безразличия, я оказалась неспособна. Поэтому глаза сразу же открывать не стала, а вместо этого предпочла притвориться спящей и полежать так еще немного, наслаждаясь свежестью воздуха.

Меня положили на живот, и ночной воздух ласкал мне спину. *Обнаженную* спину. Я едва не рассмеялась и этим чуть не выдала себя с головой.

Эти сумасшедшие распоролли мне рубашку.

– Почему не выходит? – рявкнул Рид. Горячей ладонью он стиснул мне пальцы. – Разве ей не пора уже очнуться?

– Разуй глаза, Диггори, – огрызнулась Коко. – Ее ожоги исцелились, это очевидно. Нужно время, чтобы зажили и внутренние повреждения.

– Что за внутренние повреждения?

Я представила, как краснеет его лицо.

Коко раздраженно вздохнула.

– Физически невозможно сдвинуть нож, не говоря уже о том, чтобы его бросить, с помощью воздуха из одних только легких. Лу также извлекла воздух из своей крови, из тканей...

– Что? – переспросил Рид тихо. Опасно, обманчиво тихо. Но этим свой гнев скрыть не смог – он так вцепился мне в пальцы, что едва их не сломал. – Она ведь могла от этого умереть.

– Всею своя цена.

Рид насмешливо фыркнул. Так незнакомо и неприятно.

– Видимо, не для тебя.

– Прошу прощения?

Я подавила тяжкий стон, еле сдерживаясь, чтобы не вклинить в их перепалку. Рид, конечно, тот еще болван, но сегодня урок он усвоит.

– Ты меня прекрасно слышала, – сказал он, явно даже не задумываясь о том, как близко к нему находится Коко и как легко она может вспороть ему артерии. – Лу меняется, когда использует колдовство. Поддается чувствам, забывает о здравом смысле... Она еще со вчерашнего дня, после событий у ручья, ведет себя как шальная. Сегодня все стало еще хуже. Но вот ты почему-то колдуешь безо всяких последствий.

Все желание защитить его от Коко вмиг испарилось. «Шальная»? Мне пришлось приложить немало сил, чтобы продолжать дышать медленно и мерно. Последние остатки усталости сгнули в пучине негодования, и сердце бешено заколотилось от такого предательства, пусть даже малого. Я лежу перед ним раненая, а ему хватает наглости меня оскорблять? И у ручья, и в таверне я только и делала, что *его* спасала. Свинья неблагодарная, вот он кто.

Давай, Коко, выпотроши его.

– Поподробней, пожалуйста.

Я нахмурилась, поскольку ожидала совсем иного ответа. И неужели в голосе Коко я услышала *беспокойство*? Быть не может, что она *согласна* с этим бредом.

– Она согласилась покрасить волосы, почти не задумываясь. А когда все пошло наперекосяк, чуть не придушила Бо. – Рид как будто вычеркивал пункты из заранее составленного списка. – А потом плакала, плакала в голос...

– Волосы она покрасила ради *тебя*.

Голос Коко так и сочился презрением и неприязнью, и я незаметно приоткрыла один глаз, слегка смилостивившись. Коко сверлила Рида сердитым взглядом.

– И плакать она имеет полное право. Мы все, в отличие от тебя, эмоциональным запором не страдаем.

Рид только отмахнулся.

– Это еще не все. В таверне она нагрубила Клоду Деверо. Смеялась, когда ранила охотника за головами, хотя тем самым навредила и себе. Ты видела, какие у нее на ребрах синяки. Она кашляла *кровью*. – Он озабоченно взлохматил себе волосы, качая головой. – А после этого еще убила его приятеля и чуть не прикончила заодно себя саму. Я за нее волнуюсь. Когда Лу его убила, в какой-то миг она выглядела... почти в точности как...

– Только попробуй договорить до конца.

– Я не хотел...

– *Хватит*. – Коко все еще сжимала пустой пузырек из-под меда, и рука ее все еще была в крови, а пальцы дрожали. – Слов утешения у меня для тебя не найдется. Во всем, что сейчас происходит, ничего хорошего нет. Подобное колдовство – при котором жизнь и смерть балансируют на острие ножа – требует жертв. Природа во всем ищет равновесия.

– Природа здесь ни при чем, – ответил Рид, багровея. С каждым словом его голос становился все жестче. – Магия противоестественна. Как... как болезнь. Как яд.

– Таков наш крест, и нам его нести. Я могла бы тебе рассказать, что колдовство влечет за собой не только смерть, но ты ведь все равно не станешь слушать. Яд иного рода бежит в твоей крови – которую, кстати, я обещаю тебе вскипятить, если ты хоть когда-нибудь скажешь подобное при Лу. Ей и без того немало дерьма разгребать приходится, еще твоего в этой куче не хватало. – Глубоко выдохнув, Коко сникла. – Но ты прав. Нет ничего природного и естественного в желании матери убить свое дитя. Лу станет хуже, прежде чем станет лучше. Гораздо, гораздо хуже.

Рид стиснул мои пальцы крепче, и они с Коко посмотрели на меня. Я быстро закрыла глаз.

– Я знаю, – ответил он.

Я глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. Потом вздохнула еще раз. Но не могла забыть ни о гневе, который испытала, услышав их слова, ни о боли, что скрывалась под ним. Да, беседа вышла не из приятных. Не такие слова человек надеется подслушать от любимых людей.

«Лу станет хуже, прежде чем станет лучше. Гораздо, гораздо хуже».

В мыслях всплыло лицо матери. Когда мне было четырнадцать, она нашла для меня уха-жера, настаивая на том, чтобы оставшиеся годы я прожила полной жизнью. Его звали Алек, и лицо его было таким красивым, что мне хотелось плакать. Заподозрив, что Алеку приглянулась

другая ведьма, я однажды ночью проследила за ним до берега Лё-Меланколик... И увидела, как он возлег со своей избранницей. После этого мать убаюкивала меня и шептала: «Кто не боится искать, не боится найти».

Возможно, я боялась больше, чем мне казалось.

Но они ошибались. Со мной все в полнейшем порядке, и я вовсе не веду себя как «шальная». Желая это доказать, я кашлянула, открыла глаза – и увидела прямо перед собой кошачью морду.

– Тьфу, Абсалон! – Я в испуге отпрянула и снова закашлялась. Рубашка, разрезанная сзади, обвисла у меня на плечах.

– Ты очнулась. – Рид с облегчением подался вперед, осторожно коснулся моего лица и погладил меня пальцем по щеке. – Как себя чувствуешь?

– Дерьмово.

Коко тоже присела на колени рядом со мной.

– Надеюсь, у той торговки ты стащила еще какую-нибудь одежду. Вчерашняя в буквальном смысле вплавилась тебе в спину. Снимать ее было довольно увлекательно.

– Если под «увлекательно» ты имеешь в виду «отвратительно», то да, – сказал Бо, подходя к нам. – Туда лучше не смотри, – он махнул себе за спину, – если не хочешь узреть плод любви ткани и человеческой плоти. Ужин Ансея, кстати, тоже там. Он с ним расстался вскоре после того, как увидел твои раны.

Я посмотрела в другой угол Ямы, где с несчастным видом сидел Ансель. Мадам Лабелль сутилась над ним.

– Тебе стоит переодеться, – сказала Коко. – Уже почти полночь. Скоро моя тетка будет здесь.

Рид свирепо посмотрел на нее и загородил меня своим телом.

– Я же сказал, Лу пойдет со мной.

– А я тебе сказала...

– Замолкните оба! – рявкнула я прежде, чем успела сдержаться, и тут же съежилась, увидев, как они изумились.

Коко и Рид быстро переглянулись – молча, но я все равно услышала то самое злосчастное слово. «Шальная». Выдавив улыбку, я обошла Рида.

– Простите. Зря я так.

– Вовсе не зря. – Бо изогнул бровь, с неподдельным интересом оглядывая нас, будто чувствуя напряжение в воздухе.

Я нахмурилась. Может, Рид и прав. Может, я и впрямь не в себе. Никогда прежде я не видела смысла в том, чтобы извиняться за подобное.

– Они меня уже достали.

– Сам хорош, – гаркнула Коко.

– В последний раз вам говорю – я пойду туда, куда сама захочу, – заявила я. – Сегодня все пошло крахом, но, по крайней мере, теперь мы знаем, что до похорон Архиепископа две недели. До Цезарина добираться самое меньшее десять дней. А значит, на оборотней и кровавых ведьм у нас есть всего день-другой. – Я смерила Рида суровым взглядом, когда он попытался возразить. – Все делаем как задумывали. Мы идем в лагерь крови, вы – в Ле-Вантр. Встретимся в канун похорон в Цезарине. О времени и месте известите нас письмом через Абсалона...

– Я не доверяю матаготу, – мрачно сказал Рид.

Абсалон в ответ завилял хвостом.

– А вот ты ему определенно нравишься. – Я наклонилась почесать кота за ухом. – И именно он, между прочим, нас спас в Модранит, когда передал послание мадам Лабелль шасерам. Если я правильно помню, от того плана ты тоже был не в восторге.

Рид промолчал, играя желваками.

– Ле-Вантр? – озадаченно переспросил Бо.

– Владения стаи, – коротко ответила я.

Разумеется, в этом мрачном уголке королевства он никогда не бывал. Большинство людей старались туда не соваться, и я в том числе.

– Ля-Ривьер-де-Дан ведет к холодному болоту на самом юге Бельтерры. Лу-гару объявили эту территорию своей.

– А почему название означает «брюхо»?

– Путь через зубы обычно как раз в брюхо и ведет. Ну и к тому же лу-гару пожирают всех, кто пересечет границу их земель.

– Не всех, – пробормотал Рид.

– План просто кошмарный, – заявил Бо. – Мы и в Цезарин-то к похоронам еле-еле успеваем, а теперь еще нужно побывать и в Ле-Вантре? И это не говоря уже о том, что идти к моему отцу с предложением союза – сущее безумие. Вы же были в таверне, да? Видели объявления? Эти ребята тебе *голову* отрезать хотели...

– Мне. Но не Риду. По некой причине твой отец не желает ему смерти. Возможно, потому что знает об их родственной связи, а даже если нет, то скоро выяснит. И познакомишь их именно ты.

Я скользнула за спину Рида, чтобы переодеться в новую одежду. Он был втрое меня шире, так что для роли ширмы отлично годился.

– Чтобы ты знал, – сообщила я Риду, – это грубое проявление собственничества я тебе позволяю исключительно потому, что твой брат до сих пор не видел мою грудь, и такое положение дел меня вполне устраивает.

– Ах, сестрица, ты разбиваешь мне сердце, – сказал Бо.

– Замолкни. – Шея Рида залилась краской. – Ни слова больше.

Любопытно. *Он* за такие слова извиняться не стал. Я вдруг ощутила на языке неприятный и странный горький привкус. Привкус сожалений, сомнений и... чего-то еще. Я не смогла подобрать этому чувству названия.

– Вам стоит выдвигаться поскорее, – сказала я. – После нашего зрелищного представления в Сен-Луаре дорога будет кишмя кишеть охотниками за головами. Может, и шассеры уже назад повернули. Рид, я знаю, что колдовство тебе до сих пор не по вкусу, но мадам Лабелль придется снова тебя замаскировать. Можно еще попросить...

Я осеклась, услышав смех Коко. Она выжидательно посмотрела на Рида.

– Жду не дождусь, когда это услышу.

Выглянув из-за локтя Рида, я спросила:

– Что услышишь?

Она кивнула ему.

– Ну, давай, скажи ей.

Рид оглянулся на меня. Я натянула через голову алую рубашку и нацепила кожаные штаны, затем присела зашнуровать сапоги. После долгого молчания Рид наконец пробормотал:

– Лу, я не могу.

Нахмурившись, я встала.

– Что не можешь?

Он медленно покачал головой, краснея от шеи к щекам. Затем стиснул зубы и вздернул подбородок.

– Я не могу даже близко к ней подходить. К магии. И не стану.

Я уставилась на него, и в один миг все встало на свои места. Его отстраненность, вероломство, *беспокойство* – все стало ясно.

«Лу меняется, когда использует колдовство. Поддается чувствам, забывает о здравом смысле... Она ведет себя как шальная».

«В какой-то миг она выглядела... почти в точности как...»

Как ее мать. Договаривать было и незачем.

«Магия противоестественна», – так он сказал.

Противоестественна.

Горький привкус усилился, мне стало трудно дышать, и я наконец поняла, что это было за чувство. Стыд.

– Надо же, как удобно.

Краем глаза я увидела, как Коко утягивает Бо за локоть прочь. Он не возражал. Когда они исчезли из виду, Рид обернулся ко мне и наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Это не так.

– Выходит, люди все-таки не меняются, правда?

– Лу...

– Что, скоро опять станешь называть меня «оно»? Я тебя винить не стану.

Я оскалилась и подалась вперед, так близко, что могла бы его укусить. Никогда за все восемнадцать лет своей жизни я никому не позволяла породить во мне чувств, которые испытывала сейчас. К глазам подступили слезы, к горлу – тошнота, и я ненавидела себя за то, что это допустила.

– Я ведь *противоестественная*, в конце концов. *Шальная*.

Рид тихо чертыхнулся и закрыл глаза.

– Ты подслушивала.

– Ясное дело, подслушивала. Как ты вообще *смеешь* меня оскорблять, пытаешься оправдать свои собственные извращенные взгляды...

– Стой. *Остановись*. – Он распахнул глаза, потянулся ко мне и схватил за локти – но схватил мягко, бережно. – Я тебе говорил – мне неважно, что ты ведьма. И говорил всерьез.

– Чушь собачья.

Я отскочила назад, увидела, как безвольно опали руки Рида, и тут же ощутила укол горького сожаления. В следующий миг я обхватила его за пояс и зарылась лицом ему в грудь. Сжав Рида крепко-крепко, я приглушенным, надорванным голосом проговорила:

– Ты ведь не дал мне ни единого шанса.

Он обнял меня еще крепче и укрыл своим телом, будто хотел защитить от всего мира.

– Дело в магии, а не в тебе.

– Магия – это и есть я. И ты тоже.

– Неправда. Все те частицы души, которые ты отдаешь, – они мне нужны. Мне нужна *ты*. Целая и невредимая. – Рид отстранился и посмотрел на меня. В глазах его сверкала решимость. – Я знаю, что не могу просить тебя отказаться от магии, поэтому не буду. Но я могу просить об этом свою мать. Могу просить себя самого. И я могу... – Он отвел прядь волос с моей щеки. – Могу попросить тебя себя поберечь.

– Да ты шутишь. – Наконец, *наконец-то* я отшатнулась от него, когда сердце поспело за разумом. – Ты вдруг стал вести себя так, будто я – какой-то порченный товар или... стекло, которое может в любую секунду разбиться. Вот тебе новость – я всю свою жизнь занимаюсь колдовством. И знаю, что делаю.

– Лу. – Рид снова потянулся ко мне, но я отмахнулась. Его глаза вспыхнули еще ярче, еще жарче. – Ты сама не своя.

– Ты просто видишь то, что хочешь видеть.

– Неужели ты думаешь, что я *хочу* видеть в тебе...

– Что? *Зло*?

Он схватил меня за плечи.

– Ты вовсе не зло.

– Разумеется, нет. – Я утерла слезу прежде, чем он успел бы ее заметить. Никогда прежде я не позволяла себе испытать такое унижение, такой стыд, и сейчас начинать не собиралась. – Ты готов добровольно рискнуть собой, своей матерью и братом, отказавшись использовать колдовство в пути?

– Приходится выбирать из двух зол. Других путей нет.

Долгое мгновение я смотрела на Рида. Убежденность в его глазах сверкала остро и ранила меня глубже, сильнее, чем я ожидала. Крупица моей души, та самая, которую ранил Рид, хотела, чтобы он пожалел о своей глупости, чтобы он страдал. Без колдовства все они погибнут в дороге, а если даже нет, то в Ле-Вантре – уж точно. Своими предрассудками Рид обрекал себя и остальных на смерть, своим страхом лишал их силы. Война всегда губит слабых.

А Рид должен был выжить.

– Есть.

Я устало отступила назад и расправила плечи. Жизнь Рида стоила больше, чем моя ущемленная гордость. Позднее, когда все это закончится, я ему докажу, как сильно он ошибается в своем мнении о колдовстве. И обо мне.

– До взрыва в таверне Клод Деверо предложил мне помощь. Его бродячая труппа сегодня уезжает в Цезарин. И вы поедете с ними.

«Труппа Фортуны»

Рид

Остальные не стали особо возражать против «решения», которое предложила Лу.

И очень жаль. Может быть, хоть к ним она бы прислушалась, раз уж меня слушать не желала. Когда мы собрали свои пожитки, лежавшие грудой в грязи, в снегу и в крови, я попытался урезонить Лу, но тщетно.

Весь ее замысел, пусть и хитрый, зависел от одного: от Клода Деверо.

Мы его не знали. И, что более важно, *он* знал нас – во всяком случае, Лу. В таверне он пришел в восторг от встречи с ней. К тому же он видел, как Лу использовала колдовство, понял, что она ведьма. Да, ведьмы не злы по своей природе, я уже успел это усвоить, но ведь остальное королевство понятия об этом не имело. Что же за человек этот Клод Деверо, если согласится помочь ведьме?

– Твой спаситель, вот что он за человек, – сказала тогда Лу, запихивая мой спальный пакет в сумку. – Между прочим, он сегодня нас очень выручил. Мог бросить умирать, но не стал. Вреда он нам явно не желает, в отличие от всех остальных. И искать тебя в бродячей труппе никто не додумается. Вот так и спрячешься без колдовства.

Теперь же Лу быстрым шагом шла вниз по холму к Сен-Луару. Остальные следовали за ней. Я задержался в хвосте и оглянулся на опушку леса. Одна-единственная снежинка опустилась мне на щеку с неба, все еще хмурого и облачного. В лесу воцарилась зловещая тишина. Как в затишье перед бурей. Уже почти отвернувшись, краем взгляда я заметил два светящихся глаза. Больших. Серебристых. Я резко оглянулся, вздрогнув, но не увидел ничего, кроме теней и деревьев.

И зашагал за остальными.

Актеры сутились на деревенской площади: таскали чемоданы, инструменты и реквизит, готовясь к отъезду. Руководил ими Клод Деверо. Он бегал туда-сюда, радостно хлопая в ладоши. Будто собираться в путь посреди ночи и отправляться в дорогу перед бурей для него было делом вполне обычным.

Лу помедлила в переулке, глядя на них. Мы все остановились рядом с ней.

– В чем дело? – спросил я тихо, но Лу шикнула на меня – Клод Деверо подал голос.

– Скорей же, Зенна! – Он поспешил к полной даме с волосами лавандового цвета. – Нужно всенепременно выехать до рассвета! Госпожа Фортуна благоволит лишь тем, кто отправляется в путь при свете молодой луны!

Я сморгнул еще пару снежинок.

– Да уж, – проворчала Зенна, забрасывая в повозку поменьше какой-то музыкальный инструмент. На ней был странный плащ – темно-фиолетовый, может, даже синий. Он сверкал звездами. Целыми созвездиями. – Вот только Госпожа Фортуна уже много лет как оставила Цезарин.

– Ах, полно. – Мсье Деверо укоризненно погрозил ей пальцем. – Не следует отчаиваться. Быть может, она отправится туда с нами.

– А может, нас там на костре сожгут.

– Absurdité⁶. Горожанам Цезарина необходимы житейские радости. И кто, как не мы, лучше всего сможет поднять их дух? Уже совсем скоро мы увлечем посетителей La Mascarade des Câlînes в мир фривольных фантазий.

– Потрясающе.

Зенна ущипнула себя за переносицу. Цветом кожи она походила на Коко, только шрамов совсем не имела. Возможно, Зенна была красива, но густой грим – сурьма на глазах, помада на губах – скрывал ее истинные черты.

– Нам с Серафиной полагается три процента с выручки, Клод, – продолжила она. – Мы все-таки в самое пекло едем на эти похороны.

– Конечно, конечно, – отмахнулся он, уже отвернувшись к другому актеру. – Пусть будет даже четыре.

Коко толкнула Лу локтем в бок. На этот раз та не стала медлить.

– Bonjour, мсье Деверо. Мы с вами уже знакомились сегодня вечером, но меня зовут не Люсида. Я Луиза ле Блан, а это мои друзья: Рид и Ансель Диггори, Козетта Монвуазен, Борегар Лион и Элен Лабелль.

Луиза ле Блан. Не Луиза Диггори. Я бесстрастным взглядом смотрел только вперед.

Деверо вскинул брови. По глазам его стало ясно, что Лу он узнал. И изрядно удивился. Он оглядел каждого из нас, а затем снова посмотрел на нее.

– Дитя мое, мы встретились снова! Как это неожиданно и чудесно!

Остальные актеры отвлеклись от сборов и тоже уставились на нас. На земле оставалось только два чемодана – один был слишком туго набит и не закрывался. Из него торчала блестящая ткань, и перья цвета фуксии сыпались на снег.

Лу обаятельно улыбнулась Деверо.

– Я готова принять ваше предложение помощи, если оно все еще в силе.

– Правда?

– Правда. – Она кивнула и указала на объявления о розыске, которые висели вокруг. И на дымящиеся останки таверны. – Вероятно, вы не заметили, но мы с друзьями произвели на Его Величество неизгладимое впечатление.

– Да, так бывает, если убить Святого Отца, – тихо сказала девушка за спиной Деверо. В ее кудрявые волосы были вплетены цветы, а на шее висел крестик, который она сжимала в руке.

Я отвел глаза, сдерживая нахлынувшие чувства. Они царапались у меня в груди, пытаюсь вырваться на свободу.

Лу, все так же улыбаясь, смерила девушку острым взглядом.

– А вы знаете, сколько моих сестер убил ваш Святой Отец?

Девушка съежилась, встретив такой отпор.

– Я... я...

Ансель дотронулся до локтя Лу, качая головой. Я уставился на перья, наблюдая, как тонкое розовое волокно мокнет в снегу. Еще одно мгновение. Мне нужно лишь еще мгновение, чтобы взять себя в руки и успокоиться. И тогда я смогу сменить Ансея, коснуться Лу, помочь ей вспомнить. А сам забуду о *твари*, которая бьется у меня в груди...

---

⁶ Вздор (фр.).

Кудрявая девушка выпрямилась. Она оказалась выше Лу, ростом почти с мадам Лабелль.
– Он все равно не заслужил такой участи.

«Ты был мне как сын, Рид».

У меня перехватило дыхание, и зверь внутри взревел еще яростней. Я отступил назад.
Будто ощутив это, Лу шагнула вперед.

– Неужели? А *что* же он тогда заслужил?

– Лу, – пробормотал Ансель. Краем глаза я заметил, как он покосился на меня. – Не надо.

– Да. Конечно, ты прав. – Качая головой, Лу похлопала его по ладони и снова посмотрела на Деверо.

Кудрявая девушка наблюдала за нами, широко раскрыв глаза.

– Нам нужно добраться до Цезарина, мсье. Возникли определенные сложности, а путешествовать по дороге в одиночку теперь небезопасно. Найдется ли у вас в повозках место для еще нескольких человек?

– Ну *конечно же*...

– В повозках дозволено ездить только актерам. – Зенна скрестила руки на груди и смерила Клода суровым взором. – Таково правило, разве нет? Ты не можешь себе позволить кормить нас и давать нам приют, если мы не будем выступать. – Она добавила, обращаясь к Лу: – Клод – своего рода коллекционер. Он позволяет лишь самым лучшим и одаренным артистам вступить в свою труппу. Самым редким и необычным. Выдающимся и исключительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.